

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

АД



ПОД КЛЮЧ

А К Т У А Л Ь Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

Эра Стрельца

Наталья Андреева

Ад под ключ

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Ад под ключ / Н. В. Андреева — 2019 — (Эра Стрельца)

О героях нашего времени спорят много. А есть ли они вообще? Что тут сказать? Какое время, такие и герои: неоднозначные. Алексею Леонидову предстоит сделать непростой выбор. Дмитрий Сажин, конечно, герой. Создал с нуля финансовую империю, разорился, получив срок, но в тюрьме не сломался, хотя она изменила его не в лучшую сторону. Но даже герою не все позволено. И кто-то должен его остановить, когда, стремясь к своей цели, он идет по трупам. В романе «Ад под ключ» вы встретитесь с теми, кого, возможно, уже успели полюбить. С Дарьей Сажиной, ее дочерью Алисой, которая вышла замуж за Леню, бывшего начальника службы безопасности ее отца, и обе успели обзавестись детьми. И это уже не просто детектив, а криминальная сага о жизни и смерти, о любви и ненависти, о дружбе и долге. Новое детище Сажина, «БуЗа», или «Будущее за нами», – его попытка изменить мир. Который сам он видит в черном цвете. Но не все так однозначно. Поэтому развязка будет самой неожиданной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Андреева

Ад под ключ

© Н.В. Андреева, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Спасибо моим друзьям в группе ВКонтакте за то, что вы не только читаете мои книги, но и пишете такие замечательные отзывы. За поддержку и понимание. За то, что вы есть!

* * *

Осень в этом году порадовала теплыми солнечными днями, давненько уже такой не было. Появилось ощущение, что на полпути к долгой утомительной зимовке лето вдруг спохватилось: а все ли сделано? И вернулось в Москву, где, зазевавшись, задержалось на весь октябрь.

Столица в последнее время сказочно похорошела, скинув наконец засаленный домашний халат строительных лесов с грязными оборками маскировочных сеток, и, выйдя от визажиста-архитектора со свежим макияжем, засияла улыбкой отреставрированных фасадов. Иностранцы, приехавшие на чемпионат мира по футболу со всех концов света, увидели красавицу при полном параде и пошли строчить в Инете восторженные отзывы. Поглазеть теперь было на что, вот и лето не спешило уходить. Оно держало солнце, словно собаку на поводке, каждое утро командуя: фас!

И дневное светило яростно, оскалив пасть, взлетало на небосклон, рассыпая жаркие лучи, и грозно рычало на застывшую на пороге осень, не давая ей войти в столичный регион. Было почти по-летнему тепло, листва на деревьях желтела и краснела как-то вяло, а воздух остывал только к вечеру, когда намаявшееся за день солнце, у которого не было ни минуты покоя, наконец укладывалось спать.

В начале ноября зима так и не пришла, хотя по календарю положено было. Но в последнее время все смешалось, и не только в природе.

День милиции Леонидов встретил без энтузиазма, хотя всегда считал его своим главным праздником. Алексей по-прежнему, как и весь народ, называл его Днем милиции, хотя у праздника теперь было официальное название из нескольких слов. Но все новое почему-то не приживалось, а старое никак не забывалось. Отмечали тоже по старинке: официальная часть, неизменный концерт с участием всех звезд российской эстрады, который традиционно транслировался по Первому каналу, широкое застолье, массовое, на показ, а потом междусобойчик. К ночи все расплзались по норам, объединялись в небольшие компании по принципу давней дружбы, неважно, кто и где теперь служил. Новые связи отчего-то рвались быстро, зато прошлое вспоминали охотно.

В последнее время Алексей не мог отделаться от неприятного чувства, что щедро накрытый стол – весь из продуктов, чей срок годности на грани. Еще не с душком, но вот-вот. Повсеместно проходили проверки, люди стали бояться друг друга, а новичков сторонились как зачумленных. Кто знает, что за человек, чей он, с чем пришел? Поэтому и праздновать не хотелось.

В середине девяностых, во время кровавых бандитских разборок, Алексею было намного легче. Хотя платили тогда в милиции копейки, а опасность была на каждом шагу. Об икре

с осетриной и крабами приходилось только мечтать, люди, измученные неизвестностью, коробками тащили со складов макароны и подсолнечное масло, про запас, единственные джинсы рвались в самый неподходящий момент и в таком месте, что позорнее некуда, куртка на рыбьем меху почти не грела, работы же было завалилось. Потому что никто не хотел идти туда, где голодно и трудно. А еще страшно.

Теперь иное дело, продуктов в магазинах – на любой вкус и кошелек. И всякого барахла, за которым в советское время годами стояли в очередях. Но радости от этого нет. И бумажная работа, которая теперь хорошо оплачивается, душу не греет. Потому что не знаешь, чего ждать завтра. Пуля-то понятно, откуда прилетит, а вот кто донос настроит и какое твое слово, устное ли, а в особенности письменное, станет причиной для увольнения с волчьим билетом – это вопрос. И задавать его надо ежедневно. Да что там! Ежечасно. Хоть на работу не ходи.

Невольно Алексей то и дело вспоминал Сажина, который в начале лета вышел на свободу. Как правильно сказано в одном из старых советских фильмов: свергаемое лицо проще всего свергается в отсутствие свергаемого. С Дмитрием Александровичем церемониться особо не пришлось. Сел – значит, сдал фирму. Хотя Сажин отбывал срок с уголовниками, за убийство, которого не совершал. Но об этом знали только его жена и Алексей Леонидов, который молчал, потому что так было надо.

Торговая сеть «АНДА» еще два года назад оказалась на грани банкротства. В отсутствие Сажина холдингом руководила его дочь Алиса, приставив к маленькому сыну Димке опытную няню. Но Алиса Дмитриевна была хоть и энергичной и умной, но совсем еще молодой, а главное, она была женщиной. Муж, ранее руливший у ее отца службой безопасности, мог защитить Алису от пьяных хулиганов и бандитских разборок, но он ничего не смыслил в бизнесе.

Леня Дымов привык беспрекословно выполнять приказы шефа. Потому что уважал его безмерно и признавал за ним право отдавать эти приказы. Жена Леной тоже командовала, такой уж у нее был характер. Сажина! А Леня так любил ее, что никогда не спорил, считал, что до него снизошли и он даже мизинца единственной сажинской дочки не стоит. Замотанная Алиса времени для разговоров с мужем не находила, ограничивалась скухими фразами: «Привет», «Как дела?», «Няню отпустил?», а чаще всего: «Ты Димку накормил?».

«Все хорошо», «Отпустил», «Накормил», – отчитывался Леня по телефону, стараясь не замечать, какой усталый голос у любимой жены.

Алиса Дмитриевна просиживала на работе до полуночи, похудела до прозрачности, почти уже заработала невроз, извелась так, что больно было на нее смотреть. Но противостоять машине правосудия, когда она заработала на полных оборотах, Леня с Алисой были не в силах. Найти у такого монстра как «АНДА» огромные дыры в отчетности было несложно, тем более что законы все время менялись. Одна за другой последовали проверки, был опечатан главный офис, и все без исключения документы тщательно изучались опытными в таких делах следователями. И разумеется, они нашли то, что им было нужно.

А Сажин в это время отбывал срок. Как природный лидер, он все замкнул на себя, и в его отсутствие огромная фирма рассыпалась. В итоге Сажину сделали предложение, от которого он не смог отказаться, после чего контрольный пакет акций любимого детища Дмитрия Александровича был им утерян.

Леонидов с отчаянием наблюдал, как тонула «АНДА», он догадывался, чем все закончится. Сажин не такой человек, чтобы простить. И Алексей об этом честно предупреждал руководство: не будите зверя. Сразу после Нового года адвокаты Сажина напряглись, да и некие влиятельные лица, отхватив жирный кусок, сочли, что тюрьма его сломала. Раз сдал холдинг – значит, собирается уехать за границу со всеми оставшимися деньгами, как все и делают. Да вали в Лондон, вас там много таких. А не то еще дальше, в Аргентину какую-нибудь. Живи, радуйся солнышку и тому, что ноги унес.

И в первых числах июня Сажин вышел на свободу. Срок ему скостили за «примерное поведение».

Но за границу, вопреки ожиданиям сильных мира сего, Сажин не уехал. Туда, в любимую Италию, сразу после суда над Дмитрием Александровичем перебралась его жена, Дарья Витальевна. Там же и рожала. Алексей подозревал, что Сажин нарочно вывел жену и маленького сына из-под удара. И что сдаваться Дмитрий Александрович не собирается. А вот что он собирается делать – загадка.

Начал Сажин с создания общественной организации под многообещающим названием «БуЗа», что расшифровывалось как «Будущее за нами». Само по себе не криминал, только что это такое на самом деле? Общественная организация, новая бизнес-корпорация или организованная преступная группировка? Ведь во главе «БуЗы» стоит бывший зэк, сумевший стать на зоне авторитетом. Опять-таки загадка. Как? Какие такие подвиги совершил Дмитрий Александрович за время отсидки, что блатные признали его своим? Вопросов было много, а ответов пока ни одного...

... – Чего ты, Леха, как не мент? Не кисни, – хлопнул его по плечу Юрка Панов. Пардон, товарищ генерал Панов. Старый друг из тех кровавых девяностых.

Панов приехал из Питера на торжественную часть, где собирались высшие полицейские чины. И пригласительный билетик в Кремлевский дворец у него имелся. Юркино предложение встретиться на банкете Леонидов отверг. Было такое чувство, что его обошли вниманием и наградами. А разве не заслужил? Хоть тот же билетик на звездный концерт. Нет, Панов, конечно, классный мужик, но он не задает неправильных вопросов, даже мысленно. Алексей же всю свою жизнь остро реагировал на несправедливость.

«Чего ты как не мент?»

А если непрошенные мысли сами лезут в голову? Потому что тот же Сажин достоин уважения, а вот те, кто завладел его бизнесом, нет. Разве они создали «АНДА» с нуля, с одного-единственного магазина, и развили крохотную фирму в полноценную торговую сеть? И не факт, что без Сажина фирма не разорится. Мало завладеть, надо еще уметь управлять этим огромным активом.

Алексей мрачно смотрел на бутерброды с копченой колбасой и красной икрой, истекающие жиром и сливочным маслом в пластиковых тарелках посреди боевой батареи бутылок водки и шампанского. Водки было больше. Ее вообще сегодня было – залейся. Леонидов пил, чувствуя, что все равно не отпускает. Может, потому, что вокруг были чужие?

Междусобойчик оказался совсем уж крохотным: на четверых. Низшие чины сюда не попали. Вместе с Алексеем пили водку два полковника и один майор, который оказался самым сообразительным и к тому же смазливый. Тут же организовал двух баб из другого отдела. Одна майорша из борцов с интернет-мошенниками, которых стало пруд пруди, другая просто секретарша, но с амбициями, из-за которых спала с кем надо и игнорировала тоже предсказуемо – тех, кого можно проигнорировать. Компанию с такими звездами на погонах игнорировать было нельзя, поэтому за праздничным столом их стало шестеро.

Алексей ушел, как только начались любовные игрища. Интересы к ним у него давно уже не было. Только-только наладились отношения с женой, да где-то в далекой Канаде рос сын Лешка, которого Леонидов видел только на фотках и по скайпу. Но даже не представлял, как он пахнет, этот мальчишка, потому что никогда не держал его на руках.

«С бабами все заканчивается одинаково», – думал он мрачно, глядя, как смазливый майор тискает сообразительную секретаршу. И некстати вспомнил, что майор тоже женат. На банкет к Панову было уже поздно, и Алексей, поймав такси, назвал домашний адрес.

Жена знала, что он придет пьяный, но в такой день по сложившейся традиции молчала. Леонидов выпил на кухне еще водки, в одиночку, глядя в темное окно. Как за помин души. Кошки на ней уже не скребли, на их место пришли более крупные и хищные звери. Которые

рвали зубами, грызли, терзали, да еще и выли при этом. Жена отвела Леонидова спать в состоянии полного отупения. Она же разбудила утром.

Был воскресный день, да еще и послепраздничный, следовательно, выходной. Леонидов долго не мог понять: чего от него хотят?

– Отвяжись, дай поспать, – бодал он головой Сашу, которая упрямо тянула с него одеяло.

– Да проснись ты! Леша! Это срочно!

– Что может быть срочного? – пробормотал он и сел на кровати.

Жена тут же сунула ему под нос планшет.

– Ни черта не вижу, – пробормотал Леонидов, не открывая глаз. Ему на нос мгновенно нацепили очки.

Алексей нехотя открыл глаза. Строчки перед глазами плыли, но, прочитав первые три, он сказал «ё-мое...» и тут же проснулся.

Имена его вчерашних собутыльников были во всех топовых новостях Инета, и его имя – тоже. Оказывается, вчерашняя попойка закончилась групповым изнасилованием. Так, во всяком случае, утверждала «правильная» секретарша.

– Какая муха ее укусила? – пробормотал Алексей.

– Сволочь! – сверкнула глазами жена. Алексей хотел возразить, что баба просто дура, но потом понял, что оскорбление адресовано ему, и потерял дар речи.

Когда речь к нему вернулась, Леонидов заорал:

– Ты что, этому веришь?!

– Ты пришел пьяный!

– Да, но во сколько?!

– Твое имя везде упомянуто!

– Да, я был вчера с ними! Потому что мы вместе работаем! Но я только пил с ними, и ничего больше!

– Горбатого могила исправит! Ты бабник! И всегда им был!

– Саша, я тебе клянусь! Мне хватило в жизни приключений! Да я сразу ушел, как только понял, что все уже вдугаря! Ты мозги-то включи! Два полкана, которым под полтинник, всю ночь кого-то насиловали! Да для них по разу за счастье! Они без снотворного давно уже уснуть не могут! И были бы они вчера трезвыми! Когда я уходил, они вилками в тарелки уже не попадали, не то что...

– Давай обойдемся без скабрёзностей! – воскликнула жена.

– Хорошо. Я категорически не верю в групповое изнасилование. Что касается меня...

– У тебя сын в Канаде. Знаю, – вновь сверкнула глазами Саша.

– Бес меня вчера попутал, – пробормотал Алексей, натягивая штаны. – Надо было к Юрке идти.

На следующий день началось служебное расследование. Два дня Леонидов отсидел в СИЗО, откуда вышел злой как черт. Слава создателю, его алиби подтвердил таксист. Честное имя Алексея Леонидова вернулось к нему, но, как это водится, запашок остался. Ситуация с якобы изнасилованной секретаршей тоже разрулилась, причастным оказался один только майор, и то все было по взаимному согласию. Дело замяли.

Но Леонидова все это достало настолько, что он пришел к начальству с рапортом об увольнении.

– Все. Ухожу. Пенсию я выслужил, так что не уговаривайте.

Он как раз таки ждал, что начнут уговаривать. Как-никак лучший сыщик во всей Москве и Московской области! Как сам Леонидов самонадеянно считал. И не только остаться будут умолять, но и обласкают, извинятся, осыплют почестями-наградами. Но Леонидову сухо сказали:

– Подумай, пока будешь в отпуске. Но знай: никто за тебя не держится.

– Что, маньяки перевелись? – ехидно спросил Алексей. – Враг не прячется, поэтому и сыщики не нужны?

– Много себе позволять стал! – рявкнул генерал. – Ты думай, кому, где и что говоришь!

– Я уже понял, что давно здесь чужой, – горько сказал Алексей и отправился в свободное плавание. Отпуск он брать не стал, потому что знал: даже подумав с месяц, в органы он не вернется. Так чего тянуть, отрубать хвост по частям?

– Дурак, – в сердцах сказала жена. – Какой же ты дурак, Лешка! Ну, кто так увольняется? Тянут, сколько можно, чтобы выплатили все, что положено. А ты до сих пор как ребенок! Сначала делаешь, потом думаешь! Хоть бы со мной посоветовался! А ты бабах – корочки на стол!

– Тебе денег мало? – разозлился он.

Саша с досадой закусила губу и сама стала похожа на обиженного ребенка. Они резко замолчали.

Три дня он лежал на диване, делая вид, что отдыхает. Но разве тут отдохнешь?

Жена выглядела потерянной и напуганной. То и дело спрашивала:

– Что теперь будет, Леша?

– Тебе на жизнь не хватает? – не выдержав, сердито спросил он. – Я вроде пенсию выслужил.

– У нас двое детей!

– Сергей давно уже не ребенок. Он взрослый мужик, работает. Почему мы должны ему помогать?

– Он живет на съемной квартире!

– Большинство его ровесников живут на съемных квартирах.

– Ксюшу выучить надо.

– Выучим, – буркнул он. – Найду я работу, не реви.

– Где ты ее найдешь в твоем возрасте? И что ты умеешь, кроме как разгадывать свои детективные головоломки? В коммерции уже поработал, хватит. Никакого бизнеса, понял? Я имею в виду ИП, если ты вдруг захочешь стать частным сыщиком.

– Не захочу, – буркнул он.

– Тогда куда? Охранником в супермаркет? А сможешь? Уверена, что нет. Не с твоим характером. Ты же гордый.

– Я мужик или нет? Сказал – найду работу. Отвяжись.

На следующий день он позвонил Сажину.

Глава 1

– Приезжай, – коротко сказал Дмитрий Александрович.

Они не виделись с того момента, как Сажин вышел на свободу. Их встреча была короткой. Сажин ждал в московском аэропорту жену и сына, которые должны были прилететь из Италии. Так получилось, что Алексей в том же аэропорту провожал Сашу, которая на недельку улетала с дочкой в Крым. Леонидов поехать с ними не мог из-за спецзадания, которое выполнял.

Жена давно уже поняла, что расспрашивать Алексея бесполезно. Еще в конце зимы он замкнулся в себе. Поставив на багажную ленту объемный чемодан (зачем только женщины берут с собой на юг столько тряпок), Леонидов неловко обнял дочку, которая ростом была с него, и чмокнул в щеку Сашу:

– Ну, я пошел?

– Иди, – кивнула жена. – Тебя ведь ждут.

– Откуда ты знаешь? – удивился Алексей. О назначенной в аэропорту встрече с Сажиним он никому не говорил.

– По глазам вижу. Ты можешь скрыть правду от кого угодно, но только не от меня, – грустно улыбнулась жена.

Алексей с досадой подумал, что семейный человек потерял для дела. Жена, с которой он прожил много лет и вырастил двоих детей, все понимала без слов. Но тут же его мысли переключились на Сажина. У того ситуация еще хуже. Дмитрий Александрович вот уже много лет влюблен в свою жену, как какой-нибудь мальчишка, нежно и страстно. И как он теперь поступит? Или все перегорело за эти годы?

...Сажин ждал его в кафе. С усмешкой встал и протянул руку:

– Привет, невыездной.

– Взаимно. Тебя ведь тоже теперь закрыли. Или договорился? – Алексей внимательно посмотрел Сажину в глаза.

Да, изменился. По-прежнему мужик что надо, не больно постарел, но заматерел. Невширь раздался, а именно заматерел. Плечи прямо необъятные, особенно в белой футболке. А глаза почти черные, словно в них запеклась кровь. И шрам на лице, раньше его не было. Рассеченная бровь.

«Он опять носит белое», – невольно напрягся Алексей. На Сажине была простая белая футболка без рисунка и белые же штаны. Не спортивные, но и не парадные. Кроссовки тоже белые.

– Садись, – не ответив на его вопрос, Дмитрий Александрович кивнул на пластиковый стул и сел сам. – По понятиям надо было в ресторан тебя пригласить, отметить.

– С каких пор ты стал жить по понятиям?

– Не пригласил же, – усмехнулся Сажин. – И охраны, как видишь, у меня нет. Был бы в авторитете, соблюдал бы антураж. Жену, значит, провожаешь? – его взгляд уперся в Алексея.

«Оружие не носишь? Молоток», – невольно вспомнил он. Сажин по-прежнему морально давил, зачем ему охрана? Но с ним явно что-то случилось. Он теперь был *другой*.

– А ты встречаешь? – попытался пошутить Алексей.

– Да, давно не виделись, – небрежно сказал Сажин.

– Как у вас?

– Нормально.

– Что собираешься делать?

– Жить, – пожал могучими плечами Дмитрий Александрович.

– Это все общие слова, – поморщился Алексей.

– А ты мне кто, чтобы я с тобой откровенничал?

– Я думал, что мы друзья. Ошибся, Дмитрий Александрович?

– Слишком мало времени прошло, – нахмурился Сажин.

– С какого момента? Как ты сел или после того, как вышел?

– Не обижайся, Леха, – улыбнулся вдруг Сажин. – Планы большие. Ты ведь знаешь, что я потерял фирму.

– В курсе, – кивнул Алексей.

– Меня обложили красными флажками. Бизнес потерян, невыездной, избираться никуда не могу, ограничения в гражданских правах. С моей статьей я кругом закрыт. Даша считает, что это она во всем виновата. У нас не нормально, а хуже некуда. Я сейчас на разрыв, понимаешь? Либо мне на коленях просить помилования, после чего уехать вместе с женой за границу, навсегда. И посвятить свою жизнь ей и сыну. Алиса уже взрослая, она замужем, и Леня – настоящий мужик. Он о своей семье позаботится. Либо я даю бой.

– А есть варианты? – осторожно спросил Алексей. – Какой бой ты можешь дать?

– В жизни всегда есть место подвигу, – усмехнулся Сажин.

– Но тогда ты теряешь жену.

– А я ее еще не нашел.

Сажин прислушался. Давали объявление по громкой связи. Самолет, на котором летела из Неаполя Дарья Витальевна с маленьким Сашей, заходил на посадку.

– Если тебе нужен будет переговорщик – обращайся, – сказал Алексей, поняв, что времени у него не остается. – Я могу организовать твой отъезд за границу.

– За деньги или как?

Алексей резко встал и пнул ногой стул.

– Я всегда жалел, Дмитрий Александрович, что мы с тобой в разных весовых категориях, – зло сказал он. – Я бы тебе с удовольствием вмазал.

Сажин тоже встал. Он был на голову выше и гораздо мощнее. Миролюбиво сказал:

– Не обижайся. Мне еще долго разбираться, кто друг, а кто враг. За то, что помощь предложил, – спасибо. Я это запомню. Ты тоже обращайся, если что. Деньги у меня по-прежнему есть. Много. И кое-что еще, – сказал он загадочно. – За границу я и без тебя могу рвануть. Но я еще повоюю.

– Ты когда это решил?

– Вот посмотрел на тебя – и решил. За Дашку и сына, если что случится, ты отвечаешь.

Из аэропорта Леонидов ушел не сразу. Он больше никуда не спешил. Изменить ничего нельзя, можно только приспособиться к сложившимся обстоятельствам.

Он давно уже не видел Дарью Витальевну и никогда не видел Сашу, сына Дмитрия Сажина. Алексею было любопытно: какой он? На кого похож? Поэтому и задержался в аэропорту.

Воссоединившуюся семью Сажиних Леонидов увидел, когда они встретились у выхода из багажной зоны. Сажин тут же подхватил на руки Сашку. Мальчик был похож на ангелочка: белокурый, хрупкий, маленького роста даже для своих лет. Дмитрий Александрович смотрел на него с удивлением, не сказать, с недоумением. Как такое могло родиться *у меня*? А на жену вообще не смотрел. Дарья Витальевна за эти годы изменилась мало. Разве что больше нервничала, то и дело поправляя светлую прядь волос на виске. Алексей увидел, как она тронула мужа за плечо, и по губам прочитал:

– Дима.

Словно она хотела напомнить: я здесь. Сажин одной рукой прижал к груди мальчика, а другой обнял наконец жену. Они поцеловались. И Леонидов понял, какой выбор сделает Сажин. Он не был похож на счастливого мужа и отца. Скорее на человека, которому есть, что терять, и свое сокровище Дмитрий Александрович собирается понадежнее запрятать. Чтобы никто не догадался. А потом...

Алексей с грустью думал о том, что случится потом. Он всегда преклонялся перед мужеством и воинскими доблестями Робин Гуда, но не верил в его благородство. Все равно Робин Гуд – разбойник. И своим геройством он нарушает закон. Значит, ему будет противостоять гигантская машина правосудия. Армия – на маленький отряд.

Лучше бы Сажин уехал за границу...

... Ближе к вечеру Алексей выдвинулся в элитный коттеджный поселок по Новорижскому шоссе, где жил теперь Сажин. Московские хоромы бывший бизнесмен отдал Дымовым, чтобы Алиса Дмитриевна без проблем добиралась до работы. Сам же Сажин ушел в свободное плавание. Чем именно он теперь занимается, Леонидову и предстояло сегодня узнать.

На выезде со МКАД, как всегда, была большая пробка. Алексей полз по «Риге», зажатый со всех сторон другими машинами, и думал: как быть? Ввязываться в эту войну ему не хотелось, потому что это персональная война Дмитрия Сажина, который посчитал себя обиженным. Его обида, с одной стороны, справедлива, а с другой – нет. Ему предложили хорошие деньги. Отступное. И освободили досрочно. О большем с такой, как у него статьей УК, можно было только мечтать.

Но Сажин лидер с принципами. Со своей собственной, сажинской этикой, спорной, но заслуживающей уважения. Типа мужик я или нет? Бизнес отжали нагло, а он в этот бизнес душу вложил. Надо ответить достойно.

«Что такое “БуЗа”? – гадал Алексей, подъезжая к коттеджному поселку, адрес которого ему назвал Дмитрий Александрович, чтобы забить в навигатор. – И какую работу предложит мне Сажин?»

Поселок оказался... из одного дома. Алексей тут же напрягся. Нынешняя резиденция Дмитрия Александровича Сажина была буквально в чистом поле, на огромном участке минимум с гектар. Никаких соседей, зато забор – как вокруг какой-нибудь крепости, которая готовится выдержать длительную осаду. Солидный, местами кирпичный, а если из профнастила, то поверху колючая проволока и видеокамеры. С глухими воротами, на въезде – шлагбаум и проходная с зарешеченным окном. Дом, к которому Леонидова допустили после тщательной проверки дюжие охранники, связавшись предварительно по рации с хозяином, оказался похож на казарму. Новодел. Участок вокруг не ухоженный, создавалось ощущение, что уют и покой здесь никому не интересны. Все люди, которых встретил на пути к заветной двери Алексей, были в камуфляже. Крепкие мужики, похожие на спецназ. Но без лычек и каких-нибудь других опознавательных знаков.

«Совсем, похоже, спятил, – сердито подумал Алексей о Сажине. – Бойцов набрал, гладиаторов».

Но в холле он встретил приятную женщину лет пятидесяти, в белом фартуке, вышитом крестиком. Судя по всему, повариху. Потом еще одну, помоложе. Все-таки не казарма, а жилой дом. Он был огромен. Три этажа, к тому же в холле на первом Леонидов увидел лифт, а когда вошел в него, то на панели отметил четыре кнопки. Был и подвальный этаж, «минус первый». Провожал Леонидова накачанный парнишка, тоже в камуфляже. На третьем этаже, судя по всему, находились личные апартаменты Дмитрия Сажина. Спальня, рабочий кабинет, небольшая гостиная, где как раз таки гостей принимать не планировалось. Только для членов семьи и близких друзей хозяина.

Сажин сидел в кабинете за рабочим столом. Как и прежде, весь в белом: тенниска, бриджи, кроссовки, белоснежные носки. Увидев Алексея, он закрыл ноутбук, рассмеялся и встал:

– Здорóво, бузотер! Вот уж не думал, что ты – бабник.

– Бузотер – это ты, – сердито ответил Алексей, пожимая Сажину руку. – Откуда такое название: «БуЗа»?

– А чем плохо? Смачно и со смыслом. Садись.

Они сели. Сажин все еще улыбался, разглядывая Алексея. Он не выдержал:

– Чего лыбишься?

– Я, в общем-то, ждал, что тебя из органов выпрут, но чтобы так... Сексуальный скандал, гм-м... Жена как на это отреагировала? Тебе есть куда съехать? А то милости прошу. Дом большой, и для тебя комнатка найдется.

– Я был в ту ночь дома, – еще больше разозлился Алексей. – У меня алиби. Никто меня не выгнал, так что спасибо, но мне есть где жить. Насчет баб – это к тебе. Ты у нас «о боже, какой мужчина». А я просто оказался не в той компании.

– Тебя ведь оправдали, – Сажин стал серьезен. – Ты – ценный кадр. Я знаю, как ты работаешь. С душой и даже с огоньком.

– И что взятки не беру, тоже знаешь.

– А у вас теперь без этого никак? – прищурился Дмитрий Александрович.

– Я просто устал, Дима, – сказал он. Кажется, Алексей впервые назвал Сажина просто по имени. – Все катится черт знает куда. Повсюду сплошной непрофессионализм. Приходят наглые мальчишки из хороших семей, с запрограммированной успешной карьерой, которую им должен обеспечить ты. Ладно бы они никуда не лезли. Но ведь лезут! Руководят. А я давно уже вышел из того возраста, чтобы мною руководили.

– А чего ты хочешь от меня?

– Работы в твоей организации. Если это, конечно, не криминал. И то не я – жена моя хочет, чтобы я работал, им, бабам, так спокойнее. Мужик при деле – значит, не бухает, налево не ходит, политикой не шибко увлекается. Меньше орет, больше спит.

– А если криминал? – внимательно посмотрел на него Сажин.

– Так твоя «БуЗа» – это банда? ОПГ?

– А ты, часом, не разведчик?

– Я посчитал, что мы друзья...

– Ладно, не обижайся. Мы не банда. Общественная организация. Все уставные документы в порядке. Есть правление. Я – президент «БуЗы».

– Леня в правлении? Твой зять?

– Председатель правления. По совместительству отвечает за безопасность. Но ты все увидишь на месте. Здесь ведь не офис.

– А что?

– Я тут живу, – улыбнулся Сажин. – Офис в Москве, в спортивном клубе «Три Эс». Помещение принадлежит общественной организации «БуЗа». Мы ведь имеем право владеть недвижимостью, согласно уставу. Ты, Леха, прав – ты мне нужен. Нужны твои мозги, а главное, твой талант сыщика. Приезжай ко мне завтра в офис. Это и будет твой первый рабочий день.

– А в чем конкретно будет заключаться моя задача? – осторожно спросил он.

– Конкретнее не бывает, – заверил Сажин. – Психологический этюд, как ты любишь. Он же черный ящик.

– А еще поконкретнее?

– Завтра, – Сажин встал. – Мы с тобой еще за мою свободу не пили. Ведь это благодаря тебе я получил по минимуму. Твои показания меня вытащили. Условно меня осудить не могли. Но на полную катушку не раскрутили.

– Ты потерял фирму.

– Я бы ее и так потерял. Ты же видишь, что происходит. Идем на кухню, там накроют.

«Кухней» Сажин называл уютную гостиную, ничем не напоминающую казарму. Такое ощущение, что ее приляпали к дому из другого проекта, где предусмотрены зеленые газоны, гамаки в тени берез и клумбы с розами. Мещанский уют отставного бизнесмена: утренний бег трусцой, овсянка на завтрак, Инет как окно в мир и самоутешение «какой же я умный, что меня все это больше не касается».

Алексей сразу понял, что в апартаментах на третьем этаже останавливается Дарья Витальевна, когда приезжает в Москву. И осторожно спросил:

- А где жена?
- Дома, – коротко ответил Сажин.
- Что ж... Она всегда мечтала жить в Италии.

Тему тут же закрыли, по напряженному лицу Сажина Алексей видел, что говорить о жене ему неприятно. Видимо, Дарья Витальевна не разделяла идею мужа отомстить за отжатый бизнес.

Закуска была отменной. Все ж таки Сажин всегда ждал жену в гости и на поваре не экономил. Рулетики из малосоленой семги, икра на льду, домашние соленья, из горячих закусок – грибной жульен. Пили, само собой, водку.

– Я Грише скажу – он тебя отвезет. Так что пей, не тушуйся, – сказал Сажин. – Тебя ведь теперь корочки не прикрывают.

– Я и раньше не злоупотреблял. А Гриша – это твой шофер?

– Гриша – это Гриша. Мой подопечный, если хочешь. Занятный парень. Бузотер, как и все мы. Член общественной организации «БуЗа», – усмехнулся Сажин. – Ну что? Выпьем?

Алексей видел, что Сажин ему хочет что-то сказать, но медлит. Сомневается, что ли? А начать этот разговор надо. Иначе продолжения не будет. Нет доверия – нет и совместной работы.

– Рассказывай: чем занимаешься? – нажал он. – Общественная организация – понятие широкое. Поле деятельности необъятное, от спорта до благотворительности. Да и статус при желании промежуточный. От общественной организации до политической партии один шаг.

– Если бы, – усмехнулся Сажин. – Шагов гораздо больше, Леха. К тому же я не могу возглавить партию. Политика для меня теперь закрыта. Лет на восемь, пока судимость не снимут.

– За эти годы многое может измениться.

– Наверное, надо начать издалека. Насколько хорошо ты разбираешься в экономике?

– Совсем не разбираюсь. Я мент.

– Но хоть новости читаешь?

– Все мужики читают. Даже те, которые бухают с утра до ночи. Повод-то нужен, пар выпустить. Мол, жизнь – полное дерьмо, потому что вокруг сплошная коррупция и воровство. Страну окружили враги, в Африке дети голодают, как тут не пить? А мне по работе положено было интересоваться политикой. Нельзя раскрыть преступление, не видя полную картину мира. Но на бирже я не играю, курс акций меня мало интересует, равно как и инвестиции.

– Усек: чайник, который не умеет мыслить между строк. Каковых большинство. Значит, объясню с нуля, на доступном языке. Все чайники активно интересуются курсом валюты и ценой на нефть. Есть такое?

– Надо же знать, когда брать ипотеку, а когда бежать в автосалон за новой машиной.

– Пусть так. Долгие годы курс доллара напрямую зависел от цены на жидкое золото. Нефть росла – доллар падал. Нефть падала – курс рос. Все было предсказуемо. Но в последнее время все изменилось. Нефть сама по себе, курс доллара сам по себе. Никакой видимой привязки. Чем ты это объясняешь?

– Государство вмешалось. Курс регулирует Центробанк.

– А мы что, за последние несколько лет стали делать гаджеты, которые у каждого пользователя в кармане? Разработали программное обеспечение, на котором работают все компьютеры в мире, или собираем автомобили на экспорт в немыслимом количестве? Завалили продуктами сельского хозяйства Европу, снимаем фильмы, которые бьют кассовые рекорды в Америке, стали законодателями мировой моды? Где бурный подъем экономики? Мы разве больше не бензоколонка возле супермаркета, на которой заправляются китайские фуры?

– Да не похоже, что в стране экономический подъем, – вздохнул Алексей. – Напротив, хуже стало.

– Тогда что происходит?

– Сажин, ну откуда мне знать?

– Законы рынка, Леша, больше не работают. Курс валюты определяет не экономика, а политика. На простых людей давно наплевать, мерзнут они или им денег на бензин перестало хватать. Все делается в интересах элиты. Плановую экономику прикрыли, развалив Советский Союз, и на его развалинах попытались построить капитализм, а в итоге у нас теперь ни то, ни другое. Тупик. До рынка не дотянули, а планировать разучились, так, чтобы это были реальные планы, а не прожектерство. План ради плана, под который дадут деньги, которые потом будут распилены. Банки не исполняют свою основную функцию: накопление временно свободных денежных средств и использование их в качестве капитала путем выдачи ссуд. Занимаются кто чем. Дерут комиссию за обслуживание банковских карт, за денежные переводы, эсэмэс-оповещение, да за все берут деньги, и не маленькие. Потому что бизнес больше не заинтересован в развитии производства. Нет социальных гарантий собственникам. Закон их больше не защищает. Коммерческие банки поставлены в такие условия, что им не с чего жить, и они сплошь и рядом банкротятся. А государственные банки переключились на рейдерский залоговый захват, – Сажин тяжело вздохнул. – Элита разбухла, Леша. Детки выросли. Семьи стали больше, в то время как бюджет меньше. Опять-таки из-за развала всего, что только можно было развалить. Денег в кормушку капает все меньше. Вот скажи: в твоей нефтяной скважине иссякло то, с чего ты живешь. Капает помаленьку, но ты ведь привык жить на широкую ногу. Что ты будешь делать? Прижмешься или...

– Буду бурить новую скважину. Пусть и там негусто, но две лучше, чем одна. А три лучше двух.

– Правильно мыслишь, – рассмеялся Сажин. – Девяностые, о которых так любят сейчас говорить и вспоминать их недобрым словом, давно уже вернулись. Только автоматные очереди слышны не на улицах, как тогда, а на судебных заседаниях, образно говоря. Это и страшно. Зачем убивать, когда можно законно отжать бизнес? И никто не назовет тебя палачом, бандитом, отморозком. Никто из простых смертных даже не заметит, что мир изменился. Подумаешь, другой собственник. Враги обозначены, у них яхты, дворцы, крутые тачки, отвязные детки. Новых персонажей давно уже не появляется, старые все стали именами нарицательными. Все знают, кого ненавидеть. Меж тем тихой сапой идет наглый передел собственности, такой же, как в девяностых. Судебный беспредел. Банды – это преступные сообщества банкиров топ-менеджеров, арбитражных управляющих и представителей силовых структур.

– Сажин, не зарывайся, – поморщился Алексей.

– Я говорю то, что есть. Топ-менеджеры ведут компанию к банкротству, правоохранители возбуждают уголовные дела, суды отправляют владельцев бизнеса в СИЗО, их имущество делится и уходит к аффилированным лицам. Их имена ты никогда не узнаешь. Даже когда об этом говорят и пишут. Обтекаемо: аффилированные лица. То бишь имеющие влияние, члены семьи. Родственники не будем говорить кого. Коррупция повсюду, Леша. Те, кто ничего не создал и не понимает, откуда что берется, нанимают ушлых юристов, договариваются с банкирами, судами, силовиками. Кругом свои. Клань собственников. Рождается новая олигархия. Моя общественная организация всеми силами противодействует залоговому рейдерству. В нее вступают бизнесмены, которые ищут защиты и не могут найти ее в суде.

– И какие у вас методы? – напряженно спросил Алексей.

– У нас есть юридический департамент, а в нем целый отдел, который специализируется на правовой экспертизе финансово-хозяйственной деятельности, специалисты по корпоративному праву. Крутые айтишники, которые работают с базами данных. Экономисты. Бухгалтера. Аудиторы. Ты все увидишь.

– То есть все законно?

– Ты, как юрист, это спрашиваешь или как мой друг?

– Я тоже не дурак и не слепой. И по образованию да, юрист. Бизнес сопротивляется. Вы тоже не рыцари в белом, – сказал Алексей и осекся. Сажин-то как раз в белом! – Я образно говорю, – поправился он.

– А ты как хотел? Да, сейчас главная задача для бизнеса – не выглядеть привлекательным, незащищенным и безоружным. Для этого к нам в «БуЗу» и идут. За квалифицированным юридическим советом и помощью. Сейчас показать прибыль – все равно что выйти на колхозный рынок, полный щипачей, с набитым купюрами портмоне, которое торчит из заднего кармана брюк.

– И вы советуете разделять бизнес, распределять активы, водить за нос налоговую, – сердито сказал Алексей, подумав: «Давай, заливай». – Сажин, я не ребенок. Не надо мне рассказывать прописные истины. По-твоему выходит, что черный нал – это средство борьбы с коррупцией? Деньги, о которых не узнают и которые, следовательно, не отожмут. Я понимаю: все запуталось...

– Вот именно: запуталось. Но мы действительно пытаемся защитить бизнес от произвола. Потому что больше никому.

– Допустим. Моя задача какая?

– Я тебе скажу об этом завтра, если ты не передумаешь. Разговор будет в офисе, потому что надо не только рассказывать, но и показывать.

– Показывать что? – в упор спросил он.

– Не что, а кого... Давай-ка еще выпьем.

Алексей нехотя поднял рюмку. Что-то его в «БуЗе» напрягало. Но пока не увидишь – не узнаешь.

– Как дома, все в порядке? – Сажин намеренно перевел разговор на личное. О делах, мол, поговорим завтра.

– Живем помаленьку, – пожал плечами Алексей. – Жена в школе, завучем трудится, сын взрослый, работает, живет отдельно.

– А где работает?

– В банке. Он айтишник.

– Понятно, – усмехнулся Сажин.

– Давай Сережу сюда не приплетать, – сердито сказал Алексей. – Он ничего не знает и ничего не решает. А как твоя дочь?

– По-прежнему работает в «АНДА», – равнодушно сказал Сажин.

– Разве ее не сняли после того, как... – он осекся.

– Она больше не гендиректор. Но по-прежнему топ-менеджер. Алиса без работы не может. А в «АНДА» не могут обойтись без ее знаний и опыта. Собственник поменялся, но в делах он ничего не смыслит. Алиса хорошо зарабатывает. На что мне Ленька постоянно жалуется. Он, как глава семьи, хочет быть круче жены. А не получается.

– А ведь это я посоветовал Леньке приударить за твоей дочкой, – рассмеялся Алексей. – Он, лопух, все не решался. Мол, Алиса Дмитриевна все равно что статуя Свободы. Перед ней можно только благоговеть.

– Он так сказал? – удивился Сажин. – Никогда бы не подумал, что мужик с убийственным бекфистом тушется перед девчонкой. Леня – мой спарринг-партнер, – пояснил он.

– По-семейному, значит, все решаете, – Алексей, слава богу, еще помнил, что бекфист – это удар рукой с разворота, самый сложный в техническом исполнении. Неслабый спарринг у пятидесятилетнего Сажина!

– Личную охрану я могу доверить только зятю, – твердо сказал Дмитрий Александрович. – И подписывать документы в мое отсутствие тоже. Поэтому Леня – председатель правления, притом, что он ни в финансах, ни в юридических вопросах совсем не разбирается.

– Зато Алиса разбирается. Это все равно что ее подпись стоит в документах.

– Именно, – кивнул Сажин. – У Ленки с Алисой все завязалось, когда он ее ко мне в СИЗО возил. На свидания. Они в машине объяснились, представляешь? Романтика, блин.

– А как внук?

– О! Внук что надо! – расцвел Сажин. – Во дворе – бугор. Вся ребятня его слушается, даже те, кто намного старше. Жена меня, правда, песочит: кого ты из него растишь? Я ведь с внуком чаще вижусь, чем с сыном. Хотя Даша даже не подозревает, что мы с Дымом Димку на бои таскаем. А он, чертенок, азартный. Ногами топчет, орет. Хороший боец будет.

– Значит, у вас с женой разногласия по поводу воспитания мальчиков. Твой сын всего на год старше твоего внука. – «Но они такие разные», – чуть не проговорился Алексей.

– Даша живет в каком-то своем мире, – поморщился Сажин. – Она ведь из-за Сашки ко мне так редко приезжает. Там у них Европа, да еще Италия, много солнца, море плещется, люди улыбаются – сплошной позитив. Мальчишку по музеям таскают, книжки ему на ночь читают, учат манерам, – разозлился Дмитрий Александрович. – А бои без правил – это, как моя жена говорит, гадость, каменный век, – он невольно тронул рассеченную бровь. – Мы, гладиаторы, – дикари. Даша не хочет знать, что я потому и выжил, что принял эти правила, вернее, их отсутствие. Иначе меня бы затоптали. И убили там, на зоне. Жена может принять только лучшую мою половину. Хотя, кто его знает, какая лучшая-то? Вы еще увидите, если ты будешь со мной работать, она тебе нажалуется. У вас ведь установились доверительные отношения, – хмыкнул Сажин.

– Не ревнуешь?

– К кому? Не обижайся, но в амурных делах ты мне не соперник. Да и Дашка не такой человек. Если уж она полюбила, то не отречется, даже если под ней разведут костер. Мы долго к этому шли, ты знаешь. Но я победил все ее химеры, не важно какой ценой... Ладно, поздно уже, – Сажин взял со стола бутылку водки, посмотрел через нее на свет, словно проверяя, водка ли? – Выпьем на посошок?

– Давай.

Когда они уже стояли в дверях, Сажин вдруг посмотрел на него каким-то другим взглядом, просветленным, и тихо сказал:

– У меня нет друзей, кроме тебя. Так уж вышло. А мне до зарезу сейчас нужно, чтобы рядом был человек, которому я могу доверять. Я знаю, что ты не продашь, Леша. Так что ты подумай как следует, но решение прими правильное. Я тебе не деньги предлагаю. Этого говна ты и в другом месте найдешь, сколько тебе надо будет. У тебя есть шанс не отсидеться сейчас в тихой гавани, у бабы под юбкой, как другие делают, а творить историю. А для настоящего мужика это главное. Интересные времена наступают, ты подумай хорошенько и завтра приходи ко мне в офис. Я жду.

Именно из-за этих слов Сажина Алексей и решился. Это будет трудно. Почти невозможно. Но он должен хотя бы попробовать. Иначе у Сажина не остается ни малейшего шанса. А людей, равных ему по харизме, Алексей встречал редко. А последнее время вообще не встречал.

Глава 2

О том, что его жизнь круто изменилась, Алексей понял, когда жена приготовила ему завтрак. Словно почувствовала что-то. У них давно уже это было не принято.

– Я работаю не меньше тебя, – заявила как-то Саша на просьбу мужа пожарить утром яичницу с колбасой. – Давай так, Леонидов: у нас равноправие. Домашние обязанности делим поровну.

– Но я не умею готовить!

– А я не люблю. Сделай бутерброд или завари кипятком овсянку из пакетика, – сказала жена и уткнулась в планшет.

– Что ж там такого интересного? – ехидно спросил Алексей. – Настолько интересного, что ты меня в упор не видишь?

– Хочу знать, что в мире происходит.

– Ячейку общества, семью, сотрет с лица земли не распущенность и не падение нравов, которое погубило Содом и Гоморру. Ее убьет Интернет, – грустно сказал он. – Недавно в ресторане наблюдал двух молодых людей на свидании: оба уткнулись в айфоны. Саша! Посмотри на меня!

– Ты что, постригся, наконец? – спросила любимая, не отрывая взгляда от планшета.

– Я еще неделю назад постригся. Надо было тебе фотку из парикмахерской по WhatsApp скинуть, тогда бы ты это заметила.

– Тогда я пришлю тебе селфи, когда выйду от маникюрши, – парировала жена. – Ты тоже не замечаешь, когда меняется цвет моих ногтей.

На сем и порешили. Дабы сохранить мир и спокойствие в семье, информировать друг друга об изменениях во внешности, новой одежде и корпоративах, скидывая по WhatsApp фотки. Домашние обязанности делить поровну, подключая Ксюшу, девица уже взрослая. А завтрак по будням не готовить.

Но сегодня, в первый свой рабочий день у Сажина, Алексей получил вместе с чашкой кофе и пышный омлет. В отличие от Леонидова Саша готовить умела.

– Ты меня жалеешь? – спросил он, наслаждаясь завтраком, и постарался, чтобы лицо было не сытым и довольным, а несчастным. Омлет был таким вкусным!

– Ты начинаешь жизнь с чистого листа. Я понимаю, Лешенька, как это трудно.

«Лешенька! Ага».

– Да, нелегко мне придется, – он тяжело вздохнул и придвинул к себе омлет. – Ты ведь не будешь?

– Кушай, кушай. Вдруг там у вас негде? – жалостливо посмотрела на него Саша. И осторожно спросила: – А чего от тебя хочет Сажин?

– Не знаю пока. Он вчера не сказал. Предложил мне подумать.

– И ты подумал?

– Ты за меня подумала.

– Я вижу, тебе весело, – рассердилась жена. – А вдруг криминал?

– Сажин не бандит.

– Он сидел, Леша! Ты не знаешь, какой он теперь!

– Большой начальник, как и раньше. Кикбоксер. Человек, у которого порог страха на уровне потолка. И у него офис в спортивном клубе. Сегодня я все увижу. И всех. Сажин мне это обещал. И узнаю, что за работу он мне хочет предложить. Так что рано не жди.

– Но я могу тебе звонить?

– Можешь, – он встал. – Но я могу не ответить. Это не значит, что я умер, в морг звонить не обязательно. Надо просто дождаться моего звонка. Задача ясна?

– Ты прямо как на войну идешь, – не выдержала жена.

Он молча пошел в прихожую за ключами от машины. Подробности Александре знать не обязательно.

...Спортивный клуб «Три Эс» находился в одном из бурно развивающихся в последнее время районов столицы, за МКАД. Стройка здесь была повсюду. Новые многоэтажные дома, не моргая, всезнающе взирали на проезжающие мимо машины пустыми глазницами окон и нервно размахивали руками – стрелами подъемных кранов. Люди по привычке искали убежище в заветных московских квадратах, несмотря на убедительные выкладки экспертов по недвижимости о том, что инвестиции в нее давно уже не окупаются.

А во что окупаются? Государство уже не раз доказывало, что игры с ним плохи. Оно все равно обманет, потому что у него – власть. Захочу – отберу, захочу – помилую. Банкам доверия нет, какие бы проценты по вкладам они ни сулили, а стены всегда можно пощупать и порадоваться за себя: ускребся.

Алексею пришлось надолго задержаться в пробке около недостроенного дома, который напомнил ему Великую Китайскую стену. Во двор, весь в рытвинах и колдобинах, заваленный строительным мусором и кое-как прикрытый маскировочными сетками в самых засра-тых местах, то и дело заползали фуры, длинномеры. Огромный «человеёник» кишел муравьями-строителями в оранжевых касках и заляпанных спецовках, сооружающими «ячейки для откладывания личинок». Алексей сразу решил, что эту громадину строят по программе реновации, хоть и пообещали индивидуальный подход.

Тут же строилась школа, а впритык, как и положено по проекту, – детский садик. На первом этаже «человеёника» будут магазины, химчистки, салоны красоты... А спортивный зал – вот он. Уже готов к организации досуга. Сияет новенькими окнами. По фасаду баннер: «Три Эс – время расти и развиваться!».

Размеры клуба Леонидов оценил: масштабно. Так вот куда Сажин вложил полученные от продажи контрольного пакета акций холдинга «АНДА» деньги! Не все, но много. Или на спортивный клуб скинулись? Алексею не терпелось увидеть упомянутое Дмитрием Александровичем правление. Там наверняка будут сюрпризы.

– Вы к кому? – строго спросили Леонидова на проходной.

– К Дмитрию Александровичу.

– К какому Дмитрию Александровичу?

– К президенту, Сажину.

Охранник посмотрел на Алексея с недоверием и помрачнел. Похоже, Сажин больше не шифровался, как в благословенные времена процветания «АНДА». Главный здесь он. Президент. Портретное лицо, упоминать которое все не рекомендуется. Леонидов уже начал терять терпение, когда охранник взялся за рацию. После коротких переговоров Алексею уже другим тоном сказали:

– Проходите. Вас ждут.

«Да. Меня ждут».

Он перешел проходную, как Рубикон. Обратной дороги нет.

Клуб «Три Эс» был похож на маленький обособленный город в гигантском московском мегаполисе. Со своей Центральной площадью, навроде огромного «аквариума», мимо которого Алексей прошел к лифтам. Не это ли знаменитый юридический департамент? За столами в стиле модерн на таких же современных стульях, под современными светильниками, вооруженные до зубов навороченными гаджетами сидели похожие друг на друга, как оловянные солдатики, мальчики и девочки. Конечно, они уже лет десять как ими не были, но Леонидов смотрел на этих молодых людей, менеджеров и консультантов, с высоты своего жизненного опыта и с расстояния своего возраста.

Они в своих строгих темных костюмах были похожи на стаю ворон, которая выбирает самое тучное из всех бизнес-полей. Где почва еще не оскудела и где можно пожить. Но едва засеют другое поле и унавозят его кредитами под завязку, как стая снимается с места и летит туда. По количеству в здешней стае «ворон» Леонидов понял, что «БуЗа» удобрена капиталами обильно. Знать, не только Сажин здесь постарался.

Главный офис «БуЗы» находился опять-таки на третьем этаже. Видимо, эта цифра стала для Сажина счастливой. Алексей плыл в стеклянном «стакане» над царством Дмитрия Александровича и поражался масштабу. Это, конечно, не «АНДА», но амбиций у Сажина не поубавилось.

Президент «БуЗы» его ждал. Это Алексей понял по счастливому лицу секретарши, когда он назвал свое имя. Дмитрий Александрович не изменил своим привычкам: девица была гренадерского роста, под стать Самому, и красавица.

– Проходите, – сказала девушка со сладкой улыбкой, глядя на Леонидова сверху вниз с высоты своих каблуков, и открыла заветную дверь в кабинет президента.

По пути сюда Леонидов отметил несколько блокпостов. Его беспрепятственно пропустили лишь потому, что Сажин его ждал и дал зеленый свет. Любому другому проникнуть сюда было невозможно. «БуЗа», похоже, находилась на осадном положении, несмотря на то, что числилась общественной организацией.

Сажин встретил его широкой улыбкой:

– Решился, значит? – спросил он, протянув Алексею огромную руку, твердую, как камень.

Леонидов понял, что Дмитрий Александрович много тренируется, его спарринг-партнер, он же зять, намного моложе и подвижнее. Все это напрягало. За каким чертом президенту общественной организации рисковать своим здоровьем, когда ему, президенту, полтинник? Сиди, блюди свое портретное лицо, бумажки важные подписывай, с банками договаривайся. Кой черт ты лезешь на ринг? Кому и что доказываешь?

– Жду ваших предложений, мой генерал, – сказал Алексей и шутливо отдал честь.

– Пойдем-ка выйдем.

Сажин кивнул на почти незаметную стеклянную дверь, которая была у него за спиной.

– Покурить предлагаешь? Так я давно уже бросил, а ты вроде и не начинал.

– Не мешало бы воздухом подышать.

Они вышли на балкон, и Алексей увидел слева узкую железную лестницу. Сажин стал подниматься первым. Его широкая спина маячила впереди, как белый флаг, хотя мирными переговорами и не пахло. Алексей поежился от ветра и двинулся следом. Вскоре они оказались на крыше. Здесь было шумно: рядом не смолкала огромная стройка. Почти на уровне их глаз плавно двигались ажурные стрелы подъемных кранов, щерила редкие, но неубиваемые зубы арматура, зияли широко открытые рты незастекленных окон. Сажин подошел к парапету и с улыбкой посмотрел вниз. Все, что он видел, ему нравилось. Стройка – это жизнь, непрерывное движение. Герои не терпят пустоты и покоя.

Дмитрий Александрович был одет в любимый белоснежный свитер, не в деловой костюм. Светло-голубые джинсы с натяжкой могли бы считаться белыми. Все, похоже, вернулось на круги своя, в те далекие времена, когда любимая жена не отвечала Сажину взаимностью и он всеми силами старался привлечь ее внимание.

Но Дарьи Витальевны не было сейчас в Москве. Алексей понял, что белое – это вызов. У него самого порог страха был хоть и высоко, но не на уровне потолка, и к парапету Алексей подошел с опаской. С крыши открывался шикарный вид. Было красиво и жутко. Строящаяся Москва не располагала к романтике, отсюда, с высоты, она и впрямь казалась резиновой, именно в эти строящиеся дома и набьются вскоре приезжие, в свои, а скорее, съемные квартиры.

Чтобы не ударить в грязь лицом, Алексей бесстрашно встал рядом с Сажиним. Спросил:

– Это и есть теперь твой кабинет? Настоящий, тот, где ты ведешь переговоры.

– Здесь гарантированно нет прослушки, – спокойно ответил Сажин. – А если и есть, наш разговор будет трудно расшифровать.

– Я чист, – Алексей широко развел руки.

– Знаю. Кому-то надо верить. Дело у меня к тебе, Леша, вот какое. Моя «БуЗа» числится общественной организацией. Но это еще и спортивный клуб, где проходят тренировки и бои кикбоксеров. Не скрою: есть тотализатор, ставки крупные. Имеется и бизнес-центр, в котором крутятся огромные деньги. Юридическая фирма, объем конфиденциальной информации в которой зашкаливает. Секретов у нас хватает. Само собой, спецслужбы не могли оставить «БуЗу» без внимания. Я уверен на сто процентов: к нам внедрился их сотрудник. В правление, не меньше. Чтобы получить доступ высшего уровня. Проникнуть в дата-центр, в энергоотсек, где находятся резервные источники питания, и, конечно, стучать на меня. Контролировать все мои действия и в случае чего, принять крайние меры. Ты меня понимаешь.

– Понимаю, – кивнул он. – Давай прямо, Сажин: тебя могут убить, если ты зарвешься.

– Верно, – улыбнулся Дмитрий Александрович.

– А как же Даша? – осторожно спросил он. – Ты ведь столько лет ее добивался. Жена тебя любит наконец, и тебе это больше неинтересно. Цель достигнута. Ты пожелал эту женщину, и ты ее добился, устранив соперника. Бедная Дарья Витальевна! А твой сын, Сажин? С ним что будет?

– Чего ты завелся? Не собираюсь я умирать! Для того и тебя позвал. Все просто, Леша: ты должен вычислить засланного казачка. Я хочу знать: кто это? И принять меры. Мне нужен канал, чтобы сливать дезинформацию.

– Ты не на фронте, Сажин.

– Идет экономическая война, делят сферы влияния, Алексей. Кто-то готов всадить нож в мою спину. И я хочу знать, к кому именно мне не следует поворачиваться спиной.

– Сколько человек в правлении?

– Шесть, не считая меня. Плюс главный бухгалтер, но она не участвует в заседаниях правления и не имеет права голоса. Председатель правления – Леня, мой зять. Его вычеркиваем. Остается пятеро. Топ-менеджеры с допуском высшего уровня.

– Бухгалтера я бы тоже не стал сбрасывать со счетов. Через нее проходят все платежи, и она составляет отчеты. Значит, у нее в руках все цифры. База данных.

– У нее нет допуска в подвал, где находится наш мозг. То есть «БуЗы».

– Сеть можно взломать. Бухгалтерше помогут. У нас... То есть у них, поскольку я больше в органах не служу, есть крутые аййтишники.

– Знаю. Я подстраховался. Но согласен с тобой. Бухгалтершу со счетов сбрасывать не будем. – Сажин посмотрел на часы. – В одиннадцать тридцать назначено очередное заседание. Я тебя представлю и со всеми познакомлю.

– В качестве кого я буду входить в правление?

– Ты не будешь в него входить, это лишнее, – нахмурился Сажин. – Но у тебя будет запись всех заседаний.

«Подкорректированная тобой. А что я хотел? Чтобы Сажин с ходу вывалил мне все свои секреты? Дал допуск в дата-центр? Какое-то время Дмитрий Александрович будет ко мне присматриваться. А я буду присматриваться к «БуЗе».

– Сколько у меня времени? – спросил Алексей.

– Чем быстрее, тем лучше. Месяц. Максимум два.

– Круто.

– Я верю в твой гений, – шутливо сказал Сажин и хлопнул его по плечу.

– Подхалим сказал бы: а я верю в твой. Но я не подхалим, а друг. Поэтому считаю своим долгом предупредить: я могу не успеть. Если ты сунешься в драку, в прямом смысле слова, а не в переносном, нарвешься на засаду.

– А ты постарайся успеть, – уклончиво ответил Сажин. – Идем, нас ждут.

Зал для заседаний был на третьем этаже, в том же крыле, где и кабинет президента. Они с Сажиным вошли туда, когда все уже собрались. Дисциплина в «БуЗе», похоже, была военной, никто здесь не опаздывал.

Помещение оказалось просторным, с внушительными, от пола до потолка, окнами, и сегодня, в солнечный осенний день, такой необычайно редкий для хмурого ноября, зал для заседаний казался почти пустым из-за светлой мебели в стиле модерн. Много было зеркальных панелей, отражающих яркий свет, прозрачных, почти невесомых полок и молочно-белого пластика. Жалюзи были подняты, и полуденное солнце прицельно било в огромные окна, слепя сидящих за столом людей.

«Как на космическом корабле», – невольно подумал Алексей. «Капитанский мостик». Они как будто летели сквозь протуберанец, рискуя упасть в огненную бездну.

– Опустили бы жалюзи, Дмитрий Александрович, – недовольно сказал кто-то. – Ни черта ведь не видать.

Жалюзи по знаку Сажина опустила рослая секретарша, она же расставила перед членами правления бутылочки с минеральной водой. Людские руки жадно потянулись к стаканам.

Первым, кого Алексей увидел после того, как солнце погасили, был Леня. Вернее, взгляд сразу уперся в сажинского зятя, потому что тот улыбался. Остальные были по-деловому сосредоточены. Леонидов и Леня Дымов друг другу симпатизировали, они ведь были коллегами, Алексей тоже когда-то рулил службой безопасности в крупной фирме. Радостно, что Алиса Дмитриевна сделала правильный выбор.

В Лене Алексей, так же, как и Сажин, был уверен на сто процентов. Мировой мужик, надежный, как скала, с детьми и собаками добрый, с врагами беспощадный, до денег не жадный и жену свою обожает. Сына тем более. Леня скорее умрет, чем предаст.

Они пожали друг другу руки и сели рядом, плечом к плечу, словно заняли оборону. Сажин – во главе стола. Только теперь Алексей позволил себе заметить и остальных членов правления. За столом сидели одни мужчины. Единственной женщины, занимающей в «БуЗе» ответственную должность – главного бухгалтера, не было. Одного из мужчин Леонидов сразу узнал, и сердце екнуло. Подтвердились его худшие опасения.

Другой проблемой сделался стол. Леонидов мысленно проклял дизайнера, оформлявшего зал заседаний. Парень явно творил в облаках. Столешница была прозрачная, так что Алексей видел свои ботинки и торчащие из них носки. Напротив красовались другие ботинки, гораздо новее и дороже, и носки были лучше. Ботинки, будь они неладны, были и слева, и справа. Разглядывание и сравнение носков с ботинками затягивало, и Леонидову страстно захотелось наставить дизайнеру дизлайков, отыскав на бескрайних просторах Инета его блог.

Пришлось, как и всем, пить минеральную воду, чтобы сосредоточиться.

– Наше внеплановое экстренное заседание посвящено знакомству с новым сотрудником нашей «БуЗы», – начал Сажин. – Человек, которого я давно знаю и которому доверяю. Леонидов Алексей Алексеевич. Прошу.

Алексей привстал. Остальные сдержанно кивнули: видим, мол. Приветствуем. Кроме Лени, который заговорщицки подмигнул. Косая челка на лбу у крепыша задорно подпрыгнула.

– Какие функции возьмет на себе Алексей Алексеевич в нашей организации? – скрипуче спросил болезненно худой респектабельный господин с крючковатым носом, лысым черепом и глубоко посаженными черными глазами. Леонидов отметил безупречный костюм, идеально подобранный галстук и дорогие часы. Ботинки он уже оценил.

– Он будет моим консультантом, – невозмутимо ответил Сажин.

– По каким вопросам? – не унимался «скрипун».

– Проверка на лояльность сотрудников «БуЗы». Детектор лжи, если хотите.

«Скрипун» тут же заткнулся, зато парень лет двадцати пяти наконец-то посмотрел на старпера, которого видел впервые в жизни, с интересом. Но ничего пока не сказал.

– У вас нестандартный подход к решению вопросов, Дмитрий Александрович, – с иронией озвучил общее мнение плотный господин с масляными глазами, по виду армянин. – Проще всех сотрудников прогнать через настоящий детектор лжи.

– Кстати, Алексей Алексеевич ваш коллега. Юрист по образованию. Вам разве не нужен помощник?

– В моем отделе достаточно компетентных сотрудников, – ревниво сказал армянин.

– Вопрос не обсуждается, – Сажин положил на стол огромную руку, словно припечатал сказанное. – Начнем с вас, – он повернулся к скрипуну. – Экономический блок, Алексей, в нашей организации возглавляет Яков Карлович Гербер. – «Скрипун» едва заметно и, как показалось Алексею, презрительно нагнул яйцеобразную лысую голову. – Два высших образования, докторская степень по экономике, в недалеком прошлом – солидная должность в министерстве, работа за границей, послужной список впечатляет. Яков Карлович дает прогнозы по долгосрочным инвестициям, оценивает бизнес, в общем, отвечает за бабки, – простецки сказал Сажин.

Леня что-то черкнул на вырванном из блокнота листке и придвинул его к Леонидову. Алексей чуть скосил глаза и прочитал: «Кличка Гербарий».

Ему стало весело. Здесь, конечно, все по-взрослому, но витает дух свободы. Леня на этих заседаниях явно скучает и рад будет спихнуть хоть часть своих обязанностей на друга. А в том, что они станут друзьями, Алексей не сомневался.

– Юридический департамент, – Сажин всем корпусом развернулся к армянину, словно демонстрируя важность одного департамента. – Тигран Давидович Кочарян. Санкт-Петербургский государственный университет, красный диплом. Но давно уже москвич. Успел поработать в солидных фирмах, стажировка в Англии...

«Кличка ФЗ», – прочитал Алексей Ленины каракули. «Тигран – царь, – подумал он. – По нему видать. Ему еще один юрист, тем более друг президента, здесь не нужен. С Кочаряном у меня будут терки. Он меня невзлюбил с первого взгляда».

– Паша Волков. Павел, – тут же поправился Сажин.

Самый молодой из членов правления порозовел от смущения, как девушка. «Кличка Биткоин», стараясь не улыбнуться, прочитал Алексей на Лениной бумажке.

– Павел у нас хакер, – отрекомендовал Биткоина Сажин.

– Вы мне льстите, Дмитрий Александрович, – улыбнулся тот.

– Хорошо. Наш сисадмин.

– А теперь обижаете.

– На тебя не угодишь. В общем, Алексей, Волков – наш главный айтишник. Начальник программистов, а их у нас в «БуЗе» – целый отдел. Павел – главный. Не гляди на возраст. Павел физтех окончил с красным дипломом, ФОПФ, имеет не один десяток опубликованных научных работ, учится заочно в аспирантуре. Мог бы уже диссертацию защитить.

– Сколько вам можно объяснять, Дмитрий Александрович, что я вовсе не такой крутой, – засмущался Павел. – Моя основная задача защитить «БуЗу» от взлома.

– И ты неплохо с ней справляешься.

– Как могу. Но я не хакер, – повторил Павел.

– Ладно, я в твои дела не лезу. Мне главное, чтобы все работало как часы. А в случае чего гарантированно было бы уничтожено. Все наши базы данных.

– Без проблем, – пожал плечами Биткоин.

Повисла пауза, во время которой члены правления неторопливо пили воду.

«А теперь – самое интересное», – подумал Алексей, тайком разглядывая ботинки и носки слева. Там явно росло напряжение. Леонидов понял, что его тоже узнали.

– Еще один важный человек в «БуЗе»... – сказал наконец Сажин. Алексей замер. – Тукаев Тимур... Хафизович, – похоже, отчество Сажин вспомнил не без труда. – Отвечает за связи с неформальными организациями.

«Вот как?» – Леонидов с Тукаевым понимающе переглянулись. Для того тоже оказалась сюрпризом должность, занимаемая в «БуЗе». Остальные сделали вид, что ничего не заметили.

Связи с *неформальными организациями*! Ха!

В первый раз Алексей увидел Тукаева, когда тот был еще зеленым пацаном. Да и сам Леонидов лажался чуть ли не каждый день. Это были лихие девяностые, когда никто не знал, чем все закончится. Было понятно, что большинство из тех, кто рвется к вершине пищевой цепочки, не доживут до «светлого будущего». Чем дешевле их жизнь, тем дороже будут стоить те, которые выживут.

Тукаев тогда стоил пять копеек. Грошовый гладиатор, мясо. Причем не качок, роста невысокого, худой, хотя и жилистый. Его должны были положить одним из первых. Но недостаток мышечной массы Тукаев с лихвой компенсировал изворотливостью. Он, как маленький юркий зверек, во что бы то ни стало хотел выжить, но не уронить при этом авторитета. Спрятаться за широкими спинами других бойцов так, чтобы никто не смог назвать его трусом. Еще тогда Тукаев понял: хочешь жить – умей договариваться. Подставляй под пули чужой лоб, тот, где нет мозгов, а свой умный береги.

Они тогда договорились. Тукаев, конечно, сделает вид, что ничего этого не было.

Тимур Тукаев. Хан. Сколько же лет прошло? Достаточно, чтобы Тукаев сумел заслужить громкую благозвучную кличку вместо прежней, которую ему дали по первой ходке, – Сопля. Алексей с усмешкой смотрел на манжеты светлой сорочки, спущенные почти до самых кончиков крючковых тукаевских пальцев с желтыми ногтями. Все его тело покрыто татуировками, а здесь как-никак приличное место: офис общественной организации.

В курсе Сажин или нет, что они знакомы? Мент с огромным стажем и уголовник с таким же стажем не могут друг друга не знать. Хан был смотрящим на зоне, где отбывал срок за убийство Дмитрий Сажин. Который был там мужиком, «серым». Масть не блатная, даже если Сажин был на зоне авторитетным мужиком. Но он сейчас – президент «БуЗы», а Хан, Тукаев, – его верная собака. Или это лишь видимость?

«Общественные организации» – это ОПГ. Организованные преступные группировки, которые Хан притянул к «БуЗе».

«Ох, и дела здесь творятся!» – подумал Алексей, стараясь сосредоточиться на том, что говорит Сажин. Надо отвлечься от Хана. Разговор между ними неизбежен. Разговор по душам. Хан – стукач? Агент спецслужб? Смешно. Но спиной к такому поворачиваться не след. Тукаев не верный пес, а скорее волк, посаженный на цепь. Который подчинился силе. Но ни один блатной, тем более смотрящий, не потерпит над собой «мужика». Или Сажин каким-то чудом сменил масть? Так не бывает.

Алексей повернул голову влево и встретился глазами с Ханом. Лицо у того было каменным, непроницаемым, и Алексей вдруг вспомнил, как Тукаев шмыгал носом на первом допросе и втягивал голову в плечи: боялся, что будут бить. Из носа у хлипкого парнишки всегда лилось, за что его и прозвали Соплей. У него к тому же были слабые кости, сказывался недостаток кальция. Его мать была наркоманкой и не больно-то заботилась о гармоничном развитии плода. Хан вырос в такой атмосфере, что мог стать только уголовником, тем более страна тогда разваливалась и бандитские группировки стремились все прибрать к рукам. И глаза у теперешнего Хана на первом допросе были жалкие.

Но с тех пор многое изменилось. Тукаев нынешний был человеком без возраста, его лицо будто застыло, как цемент в тазу. Круглое, гладкое, без морщин, и такое же плоское. Низкий лоб, косые татарские скулы, приплюснутый нос, сломанный в драке, зато сопливиться перестал, еле заметные узкие губы и глаза-щелочки с голыми веками. Все тот же недостаток кальция. Тукаев, этот «специалист по неформальным организациям», смотрел на Алексея не моргая. Без всяких эмоций. Только правая нога в черном начищенном ботинке дважды стукнула по полу носком.

«Живи, дизайнер», – мысленно улыбнулся Алексей. От прозрачных столов тоже есть польза. А Хан-то нервничает! Подростковые страхи живы будут всегда, человек может от них закрыться, но избавиться – никогда. Хан ему расскажет о том, что случилось на зоне. Как рассказал тогда, в участке, с кем ограбил ларек и куда делись деньги.

– И, наконец, мой секретарь, – Алексей вздрогнул. Сажин представил ему последнего незнакомца из правления. – Связи с общественностью, пресс-служба, организационная работа. Незаменимый человек. Сергей Немилов, – отрекомендовал Дмитрий Александрович.

Леонидов оценивающе посмотрел на молодого человека лет тридцати. Постарше, чем Биткоин, и гораздо смазливее. Типичный яппи. Прическа волосок к волоску, клубный пиджак, улыбка, привитая чуть ли не с пеленок вместе с вакциной от туберкулеза. Через эту вежливую белозубую улыбку не пробиться, она, как броня, на все случаи жизни. Вместо всплеска ярости, смеха, слез, отчаянной ругани, боли, зубовного скрежета – на все эмоции одна она, вежливая улыбка.

Леонидов покосился на Леню и еле заметно двинул его локтем: что же ты? Дымов очнулся и черкнул на бумажке пару слов. «Весь-Такой», – прочитал Алексей и чуть не рассмеялся. Меткая кликуха. Да, Немилов, он Весь Такой. Рыцарь без мата и хамства, в доспехах от «Армани», с дюжиной красных дипломов наперевес, вместо щита.

«Этот предаст без колебаний, если предложение покажется ему выгодным, – подумал Алексей. – Зачем Сажин его при себе держит? Хотя... Это было бы слишком просто, а Сажин легких путей не ищет. Дмитрий Александрович вечно все усложняет, включая свои отношения с женой».

Заседание было недолгим. Сажин давал Алексею время на то, чтобы осмотреться. Когда президент поднялся из-за стола, члены правления дружно задвигали стульями. Присутствие незнакомца их сковывало. Если они и хотели что-то сказать, то не решались. Алексей понял, что надо налаживать контакт с каждым по отдельности.

Самым доступным ему показался Волков. Парень с длинными, как у девушки, ресницами и застенчивым румянцем. С маленькими руками, совсем не мужскими, такими же маленькими ногами и, кажется, открытый для общения.

Пока Сажин остановил Гербера «на пару слов», Алексей протиснулся к Биткоину. Спросил:

– Можно на «ты»?

– Конечно.

– Давно в «БуЗе»?

– Как только построили дата-центр. А его сдали вместе со спортзалом, если вы это хотели узнать.

– Дата-центр – это центр хранения и обработки данных?

Биткоин посмотрел на него с обидой. Как это можно не знать?

– Я просто уточняю, – миролюбиво улыбнулся Алексей. – А почему ты обиделся, когда Сажин назвал тебя сисадмином?

– Насколько хорошо вы разбираетесь в компьютерах, Алексей Алексеевич?

– Почти не разбираюсь.

– Понятно: чайник. Хорошо, хоть не ламер. Сразу признаетесь, что не сечете. Чайнику что-либо объяснять бесполезно, – надменно сказал Биткоин. – Поэтому я расскажу вам анекдот.

– Валяй.

– Есть сисадмины, а есть программеры. Программеры толстые, потому что сидят, а сисадмины тощие, потому что бегают. Есть толстые сисадмины, это – обленившиеся программеры, а есть тощие программеры – это поумневшие сисадмины.

– Понял. А ты кто? Обленившийся программер или поумневший сисадмин? Ты вроде не толстый, – Леонидов оглядел Биткоина с ног до головы. – И даже спортивный. В качалку ходишь?

– В том-то и фишка, – улыбнулся Волков. – Здесь все ходят в качалку, даже программеры.

– Зачем?

– Спортивный режим. Все хотят быть похожими на президента.

– Почему?

– Потому что он крутой, – серьезно сказал Биткоин.

– А хакер тебя чем не устроил?

– О! Хакеры – это гуру! Не путать с кракерами. Это из-за журналюг слово «хакер» звучит так позорно. Эти ламеры ни черта не рубят в теме. Хакеры все знают, но никуда не лезут. Они созерцают. А я, как видите, программы лабаю. Я крутой программер, понятно? Очень крутой.

– Да. Понятно все, кроме ламера.

– О небо! – Биткоин с тоской посмотрел в потолок. Как же трудно с вами, старперами, – понял этот взгляд Леонидов. – Объяснять бесполезно, поэтому снова анекдот. Приходит к программеру ламер со своей неработающей программой. И спрашивает: где у меня не так? В ДНК, – отвечает программер.

Алексей, у которого было хорошее чувство юмора, оценил и рассмеялся. Но тут же помрачнел: на него шел Хан. Биткоин воспользовался паузой и исчез. Общение с людьми пожилого возраста гениального мальчишку напрягало.

– Где бы ни встретиться, – натянуто улыбнулся Тукаев.

Руки для пожатия они друг другу не протянули. При любых обстоятельствах они с Ханом останутся по разные стороны баррикады, кто бы против кого ни воевал. Если Хан будет за зеленых, Алексей переметнется к серо-буро-фиолетовым. Не важно к каким, лишь бы они были не одной масти с Ханом.

– Сделаем вид, что друг друга не знаем? – также натянуто спросил он. – Или Сажин в курсе?

– Нет. Ты что-то хотел узнать, – внимательно посмотрел на него Тукаев.

Да, он изменился. Хотя чутье у него всегда было звериное. Потому и предпочел тогда договориться с ментами, а не цепляться за уголовную этику. Понял, что без прикрытия ему не выжить.

– Угадал, – Алексей с усмешкой разглядывал начищенные ботинки.

Хан глянул на дорогие часы, красующиеся на левом запястье, и неторопливо сказал:

– Встретимся через час в ресторане «Три Эс». Он здесь же, на третьем этаже. Не хочу откладывать этот разговор.

«А Тукаев тоже заматерел», – раздумывал Алексей, дожидаясь Сагина. Тот все еще разговаривал с Гербером. А им надо закончить «введение в курс дела». Уже было понятно, что «БуЗа» – серьезная штука и дилетантов здесь нет. В этом зальчике сегодня собрались лучшие из лучших. Сажин по-прежнему отличный организатор.

Взять того же Хана. Сразу видно, что он не просто криминальный авторитет. Он – координатор. Хотя с мастью определился давно и менять ее не собирается.

Блатные, по мнению большинства людей, не умеют говорить на нормальном человеческом языке, только на блатном жаргоне. Так же как не умеют нормально говорить айтишники или те же менты. Свою речь они обильно пересыпают сленгом. Но Алексей на всю жизнь запомнил, как инструктор по стрелковой подготовке, боевой офицер, дважды раненный и весь седой после рейдов по афганским кишлакам, сказал им, салагам:

– Кто скажет «ствол» и «рожок», того вышибу на хрен с полигона, пока не поумнеет. Автомат называется автоматом, а магазин магазином, и никак иначе. Оружие надо уважать. И никаких понтов. Кто понтит, того убивают первым. А кто выжил, никогда не станет рассказывать о том, что он делал на войне и как это делал. Либо врете, либо молчите, если хотите называться офицерами.

Их, как и всех сотрудников МВД, готовили к горячим точкам. Командировка в которые была обязательна. Почему-то сегодня, во время разговора с Сажиним, Алексей об этом вспомнил. Здесь все было заряжено напряжением. «БуЗа» оказалась горячей точкой.

Урок того инструктора Алексей запомнил на всю жизнь. Настоящий профессионал никогда не бравирует своими успехами и не выпячивает свою компетентность в самых сложных вопросах. А если он вдруг скатывается на жаргон, значит, делает это намеренно, чтобы сравняться со своим недалеким собеседником. Но если профессионал не хочет, чтобы его «масть» определили, никто и не догадается. В этом и есть смысл профессионализма.

Так и Алексей, все нужные слова знал, но старался употреблять их лишь в самом крайнем случае. Когда разговаривал с ламерами, то есть с ослами, а их в любом деле хватает. Он прекрасно знал, кто такой ламер, просто хотел подольше поговорить с Биткоином. Немножко его раскрыть, прощупать.

Профессионал с многолетним опытом с трепетом относится к тому, что позволяет ему с должным уровнем качества выполнять свою работу. А на сленге говорят выскочки.

Если Хан вырос из блатного жаргона, значит, он перешел на другой уровень. Где авторитет уже не надо подтверждать дешевыми понтами. А уголовное прошлое лучше скрывать, а не выпячивать. Хан, похоже, больше не собирается на зону ни в каком качестве. Хотя смотрящий за зоной в табели о воровских рангах – должность завидная. На нее абы кто не попадает. Для этого нужно быть в авторитете, обладать железной выдержкой и иметь хорошие отношения с ворами в законе. Причем, по информации Алексея, Хан назначил себя смотрящим сам. Значит, имел достаточный вес и не боялся, что не прокатит. Так что же у них там, на зоне, вышло с Сажиним? Почему они теперь вместе? Это Алексей и собирался сегодня узнать.

Он молча кивнул Хану, выражая свое согласие на аудиенцию, и направился было к Сажину, который довел наконец свою мысль до Гербария. Тот с надменным видом прошел мимо Алексея. Но на внимание Дмитрия Александровича теперь претендовала другая персона. Она, видимо, давно уже стояла в дверях, прижимая к груди папку с документами и дожидаясь удобного момента, эта блеклая женщина неопределенного возраста. Ей могло быть и около сорока, но не исключалось, что перевалило за пятьдесят.

Волосы у нее были бесцветные. Не белые, а именно бесцветные, потому что платиновые блондинки сексуальны, а эта женщина была бесполой. Глаза как льдинки, белесые брови и по какой-то случайности густо начерченные ресницы, потому что они резко выделялись на этом лишенном красок лице. Вообще, с макияжем у женщины были проблемы, она не понимала, что и как надо красить. Будто брала поутру косметичку и пару минут в задумчивости на нее смотрела. А потом вынимала либо тушь, либо тени, либо губную помаду. И никогда – румяна. Воспользовавшись чем-либо из своей косметички, женщина на этом и останавливалась. Торопливо ее закрывала, словно боясь, что разноцветные тени разбегутся, и сама бежала на работу.

Алексей рассматривал даму с интересом: она была забавной. Он уже понял, что это – главный бухгалтер.

– Ванда Бруновна Суве, – представил ее Сажин.

– Если у вас нет времени, Дмитрий Александрович, я могу подойти попозже, – с готовностью сказала бухгалтерша.

Видно было, что Сажин – ее бог. Но в этом не было даже намека на эротику. Преклонение монахини перед кумиром, причем такой монахини, которая действительно отреклась от всего мирского. Это Служение с большой буквы. Или же великолепная актерская игра.

Алексей был не прочь еще немного понаблюдать за Суве.

– Документы на подпись? – Ванда Бруновна кивнула. – Давайте. Леша, подожди еще пару минут.

Сажин сел за стол и открыл папку, а Алексей завертел головой: где Леня? Как зовут в «БуЗе» бухгалтершу? «Ванда Бруновна» выговаривать не слишком удобно. Но Леня уже исчез. Алексей отошел к двери и застыл, копируя бухгалтершу, которая превратилась в ледяную статую, в то время как Сажин священнодействовал: подписывал документы.

– Все, – через минуту сказал Сажин и положил на стол авторучку.

Суве с неожиданной проворностью подхватила папку и заскользила к дверям. Алексей посторонился, но так, чтобы ощутить исходящее от женщины тепло и уловить аромат ее духов. Настроиться на ее волну. Суве прошла, задев его пышной грудью, но даже не порозовела от смущения, хотя контакт оказался тесным. Полноту Ванды Бруновны можно было назвать приятной, но одевалась бухгалтерша так, чтобы как можно больше скрыть, а не показать. Перед платяным шкафом она стояла гораздо дольше, чем над косметичкой, раздумывая: что бы еще надеть? Такой стиль называется многослойным. Поверх топа кофта, поверх кофты шарф, да еще на кофте куча оборок. Юбка из той же серии, с нижней юбкой и нашитыми на верхнюю кусками ткани.

Когда это многослойное сооружение проплыло мимо Леонидова в приемную, он всерьез задумался: интересно, сколько можно спрятать под всеми этими кофтами и юбками? И что именно спрятать?

– Интересная у тебя бухгалтерша, – так и сказал он Сажину.

– Да? Не замечал, – равнодушно пожал плечами тот.

– Сколько ей лет?

– Ну, ты и вопросы задаешь! Я смотрю на работающих здесь женщин исключительно как на сотрудниц.

«Но ты же встречаешься с кем-то в отсутствие жены?» – чуть было не вырвалось у него. Алексей, убей, не верил, что Сажин монашествует в миру. Значит, его любовница здесь не работает. Меньше проблем, потому что в этом случае список подозреваемых пришлось бы расширять.

– У тебя тут целый интернационал, – перевел он разговор на другую тему. – Гербер еврей, Кочарян армянин, Тукаев татарин, Суве явно имеет прибалтийские корни. Паша Волков русский. Ты и землячества объединил?

– Я стараюсь объединить все, что можно, – серьезно сказал Сажин. – Идем ко мне в кабинет. Нам надо закончить вводные процедуры.

В кабинете у Сажина они выпили кофе. Наступило время ланча, и Алексей был не прочь перекусить.

– Что скажешь? – требовательно спросил Сажин, глядя ему в глаза. Алексей отставил пустую чашку и спросил:

– Личные дела членов правления покажешь? Всех, кроме Лени.

Дмитрий Александрович задумался, потом сказал:

– Ну что ж. Это можно. Поработаешь с ними в моем кабинете? Я здесь бываю редко.

– Такое доверие!

– Не обольщайся. Все, что надо, запаролено. И мы еще не обговорили твою зарплату.

– Давай по факту, Дмитрий Александрович. Считаю, что я работаю по договору. Вот выполню весь объем работы и тогда...

– Люди, которые отказываются от аванса, меня напрягают. Либо они необязательные, либо у них есть другая работа, которая их и кормит.

– Сажин, что за намеки? – разозлился он. – Ты мне доверишь или нет?

– Ты постоянно оговариваешься. «У нас», «мы»... Мы – это кто? Мы с тобой или ты с ними?

– Я еще не переключился.

– Хорошо. Я подожду.

«Подожду тебе доверять», – понял Алексей. И другое понял: будет проверка.

– В «БуЗе» в качалку пускают всех желающих или только по пропускам? – небрежно спросил он.

– Хочешь потренироваться? – улыбнулся Сажин. – Без проблем. Сегодня тебе выпишут постоянный пропуск в спортивный клуб.

– Биткоин... Волков сказал, что спортивная программа у вас... у нас обязательна.

– Да ты вроде в хорошей форме, – оценивающе посмотрел на него Сажин.

– Я не гожусь для ринга. Никогда этим не занимался.

– Тебя никто не обязывает. Неужели ты думаешь, что Гербер или Кочарян бьют кого-то ногами и дробят зубы своим оппонентам? Только виртуально.

«Но я не Гербер, – подумал он. – Мне надо заслужить доверие. А спорт объединяет. Нет ничего крепче спортивного братства. К тому же я хочу проникнуть в святая святых. Узнать, что такое «Три Эс» на самом деле».

– Я неплохо стреляю, – скромно сказал он. – А вдруг пригодится?

– Тир в нашем клубе тоже имеется, – кивнул Сажин. – И ты прав: кто знает, что в жизни пригодится?

Зазвонил его мобильник. Алексей подумал, что это весьма кстати? и встал.

– Я пойду?

Сажин кивнул.

– Пропуск вечером у секретарши заберешь, – сказал он, прикрыв ладонью трубку. – Иди присматривайся.

Алексей вышел в приемную. Красавица-секретарша встала, чтобы проводить его до дверей. Он почувствовал себя гномом под опекой Белоснежки. Захотелось развернуться и уткнуться носом в душистую пышную грудь. Спасла мысль о жене. «А Саша мне завтрак сегодня приготовила». К тому же его ждал Хан. То есть Алексею оставалось еще минуток десять подождать «специалиста по связям с неформальными организациями» в ресторане «Три Эс».

– А где тут у вас главный ресторан? – подмигнул он Белоснежке.

– Уже проголодались?

– Мне сказали осмотреться, вот я и осматриваюсь. Пока я не голоден, но кто знает, что случится дальше?

Его настроение перед встречей с Ханом было философским. Ему надо подобрать ключ от ада, а они из раскаленного железа, эти треклятые ключи. Криминального авторитета разговаривать непросто. И пугать бесполезно.

А что тогда делать?

Ресторан «Три Эс» оказался каким-то странным, совсем не пафосным, а скорее спартанским. Хотя по замыслу создателя был главным рестораном в городе БуЗа. Здесь явно не планировалось устраивать банкеты, хотя главный зал «Три Эс» был огромный, человек на триста, если посадить их плотно, плечом к плечу. Но по своей планировке и скромному интерьеру

больше напоминал столовую, куда сподручно забежать в рабочее время и при необходимости на скорую руку провести переговоры, чем ресторан. По опыту Алексей знал, что от таких стремительных переговоров в рабочей обстановке толку гораздо больше, чем от душевных многочасовых посиделок с долгими заходами и бесконечным подтверждением серьезности намерений. После того как допито вино и такси везет по ночной Москве, убаюкивая попой, вся серьезность намерений растворяется в огнях большого города, полного соблазнов.

Зачем что-то делать, зачем всерьез напрягаться, когда жизнь, как полноводная река с далекими-предалекими берегами, и спяну кажется, что ни до одного так и не доплыть? Особенно, когда они теряются в ночи...

– Закажем что-нибудь?

Алексей вздрогнул. Он задумался и не заметил, как подошел Тукаев. Хотя и Хан двигался бесшумно, даже в своих неразношенных ботинках. Он не подходил к еде, а подкрадывался, словно всегда боялся, что отнимут.

Тукаев сел напротив и открыл меню.

– Я кофе пил у Сажина, так что не голоден, – намекнул Алексей.

– День длинный. И кто знает, чем все закончится? – также с намеком ответил Хан.

Алексей мысленно усмехнулся: обменялись любезностями. Один-один.

Тукаев кивком подозвал официантку. Симпатичная девица спортивного вида приняла у них заказ. Подумав, Алексей тоже заказал харчо.

– Сажина откуда знаешь? – безразлично спросил Хан, тщательно протирая салфеткой и без того сверкающую ложку.

– Оттуда же, откуда и ты. Я вел дело об убийстве Анжелики Голицыной. Которое привело к другому убийству. Которое привело на зону Дмитрия Сажина. Который встретил там тебя.

– Все тот же, – поморщился Хан. – Сложно говоришь, начальник. Никогда тебя не понимал.

– Как же мы в таком случае договорились? – намекнул он.

– То давно забыто, – жестко сказал Хан. – Ты на меня не дави, не тот нынче расклад.

– А какой? – невинно спросил он.

– Прямо говори: чего хочешь?

– Суп ешь, – Алексей кивнул на дымящуюся тарелку, которую официантка поставила перед Тукаевым. – Кстати, откуда отчество Хафизович? Насколько я помню, у тебя в метрике в графе «отец» стоял прочерк. Я еще тогда пошутил: «Сын полка».

– Я сказал: хватит, – голос у Хана стал металлическим. – Я Тимур Хафизович Тукаев, это понятно? А ты никто. Я знаю, что тебя из ментовки поперли. Давно должны были попереть. Мы ведь тебя ждали, – ласково сказал он.

– Вы – это блатные?

– Ты давно должен был сесть.

– Так ведь ваших с нашими не сажают.

– Много знаешь, – растянул узкие, как щель у бетонного дота, губы в резиновой улыбке Хан. – Добрались бы. Жаль.

– Жаль, что меня просто поперли? Но зато теперь я друг Сажина. Единственный друг, – подчеркнул он. – Как с этим?

Лицо Хана опять превратилось в застывший бетон в круглом, как луна, тазу. Тукаев не спеша, с безразличным видом ел, словно глотал не обжигающе острое харчо, а холодную окрошку на квасе.

– Я знаю, всего ты мне не расскажешь, – Алексей лениво помешал ложкой в своей тарелке. Есть не хотелось, хотя пахло вкусно. – Но у меня есть влияние на Сажина. Как я понял, бугор здесь он. И ты не единственный криминальный авторитет, которого он знает. Наверняка среди его знакомых теперь есть и воры в законе. А ты по-прежнему смотрящий. Только теперь

не на зоне. Ты присматриваешь за общаком, в который скинулись ОПГ. Сажин тоже вложился, но не только его деньги здесь крутятся. «БуЗа» – именно общак. Бизнес, который ищет защиты, платит взносы. Сажин вкладывает сбережения в новую империю, которую строит. Потому что он по натуре – император. Ему нельзя было на зону, потому что там проявилась худшая сторона его натуры. В нем возобладали имперские амбиции, и ему удалось притянуть к «БуЗе» ОПГ... Эти в большинстве своем и вашим и нашим. Они давно уже договорились с силовиками, но блатным ходить под кем-то всегда было в падлу. Они, как прирученные волки, все время в лес смотрят и воют, натягивая цепь. А Сажин и есть тот лес. Вот почему он лидер. Он не побоялся подставиться. Ты ему чем-то обязан. Расскажи.

– Умный. – Хан медленно проглотил харчо и спросил: – В чем здесь моя выгода?

– Ты остаешься в правлении. У меня, между прочим, неограниченные полномочия, – не моргнув глазом блефанул Алексей. – Сажин ищет стукача.

Хан посмотрел на него с таким презрением, что Алексей уткнулся в тарелку с харчо. «Ты рамсы-то не путай, мент», – понял он. Сесть для Хана все равно что очередной орден на грудь повесить. И ментам он стучать не будет. Не та масть.

«Мы маленький, но гордый народ, – мысленно улыбнулся он. – Всех вас давно уже сломали, вы ручные, но по-прежнему понтитесь и прилепились теперь к Сажину. Потому что он – лидер. Только он может поднять вас с колен».

– Нам работать вместе, – миролюбиво сказал он Хану. – И кто знает, во что выльется эта работа? Расскажи.

– Сажа ментовское душилово разрулил, – Хан смотрел мимо него, в стену. – И он там, на зоне, икру с крабами в одиночку не жрал. Все посылки, что ему приходили, шли в общак. Поначалу он был «мужиком». Потом стал авторитетным, – Хан стал говорить медленно, рублеными фразами. – Вместе решали, как быть с нашими, а как с его. Грамотно решали. А потом м...к один стуканул. Бабе своей маляву накатал. Да еще фотку скинул: вот как шикарно я тут живу. А на столе жарчка – мама не горюй. Крабы с икрой, шашлыки. Спалились.

По тому, как Хан стал постепенно скатываться на блатной жаргон, Алексей понял, что тема больная. Вот сейчас Хан скажет главное.

– Баба дура оказалась, поднялся кипиш. К нам на зону проверка нагрянула. Менты взбеленились. Они-то к нам со всей душой. Посылки без разговоров пропускали, а Саже ящиками жратву с воли слали. Олигарх, бля... Кто хотел, так тому и баб на свиданку приводили. А мы, выходит, суки, потому что сдали. Ну и прессанули нас. Душилово началось. Что было делать? – Хан тоскливо посмотрел в тарелку с остывающим харчо.

– Как Сажин с ними договорился?

– Договорился? – Хан посмотрел на него с удивлением. – Разве с ментами можно договориться? Это здесь, у вас, все бабки решают. А когда по понятиям, характер надо показать.

– Правда на стороне сильного, – кивнул Алексей. – Первобытно-общинный строй. Что, махач был?

– Менты сказали:ставляйте бойца. Наш против вашего. Победа за нами, и мы вас прессуем. Жить будете, как мы скажем. А нашего бойца вынесут – душилово кончится. Как раньше не будет, но жарчку не отберем. И в дела ваши не полезем. Пересидим кипиш, а там, глядишь, и наладится.

– По понятиям, против их бойца должен был выйти криминальный авторитет, – напрягся Алексей. – А на зоне в тот момент, кроме тебя, никого больше не было, раз ты был смотрящим. Вышел Сажин, да? За тебя?

– Мент был качок. Огромный, как гора, – в голосе у Хана Алексею почудился испытанный тогда, во время «душилова», страх. Тукаев всегда хотел жить, эта жажда жизни была его основным инстинктом. И как Тукаев ни заглушал ее, как ни старался быть крутым, в критиче-

ские моменты он все равно хотел жить любой ценой. Даже ценой предательства. – Я не боец, сам знаешь. Могу, но силы не те. Мент бы меня ушатал.

– Сажин победил? – Хан молча кивнул.

«Так вот откуда у него шрам!»

– Сколько раундов было?

– Десять.

– Мент остался жив?

– Когда выносили, дышал, – нехотя сказал Хан.

– А Сажин?

– Два месяца в больничке отвалился. Но с ринга он вышел сам. И шел правильно...

– По понятиям, – с иронией подсказал Алексей. – Значит, Дмитрий Александрович по давней своей привычке поставил на кон свою жизнь. И выиграл, потому что храбрецам везет до бесконечности. Пока они храбрецы. Да-а... Жена, конечно, не знает. Бедная Дарья Витальевна! Драка – это грязь. И только искусство вечно, – грустно улыбнулся Алексей. – Получается, Тимур Хафизович, что ты ему обязан жизнью, Сажину. И тем, что твой авторитет среди воров в законе не упал. Ты выставил бойца, и он победил. Так вот как Сажин договорился с ОПГ! Через тебя.

– Он теперь в авторитете, – твердо сказал Хан. – И не лезь сюда, понял?

– И этот авторитет Сажин периодически подтверждает на ринге, – задумчиво сказал Алексей. – Но это же бред! С другой стороны, а как еще вас, блатных, держать в подчинении? Вы уважаете только силу.

Хан молчал. Алексей посмотрел на стену за его спиной, где было размашисто написано: «Три Эс». Мелькнула светлая мысль, словно солнечный луч, но он тут же погас.

– Ты все узнал, что хотел? – спросил Хан и полез в карман за портмоне.

– Мне надо подумать.

– Думать тут не о чем, – жестко сказал Тукаев. – Все уже придумали до тебя. Мы все возьмем под свой контроль.

– Мы – это «БуЗа»? Хан, ни у кого раньше не получалось объединить и переподчинить все региональные ОПГ. Это против правил, где главное: разделяй и властвуй. Вам никто не позволит. Это ведь мощный кулак, который способен пробить любую стену.

– Мы сами все возьмем.

Тукаев встал. Алексей понял, что разговор окончен.

– У меня к тебе еще будут вопросы, – сказал он, снизу вверх глядя на Тукаева.

– Отвечу лишь на те, на которые сочту нужным ответить, – официально сказал тот, превратившись вдруг в чиновника. Мигом поменял личину, и видно было, что она ему теперь гораздо больше по нутру, чем прежняя: личина блатного авторитета.

«Далеко пойдет, если его не остановить», – мрачно подумал Алексей, глядя, как Тукаев небрежно бросил на столик деньги. «Он точно не стукач. Чего не отнимешь у блатных, так это верности их кодексу чести, пусть, по меркам обычных людей, он и сомнителен. Хан будет защищать Сажина не до последней капли крови, конечно, но у этого смотрящего и мозги есть, вот что хреново. Хан, похоже, великолепный координатор. Дмитрий Александрович умеет подбирать кадры на ключевые должности. Правда, это чуть не стоило ему жизни. Но Сажин любит ею рисковать».

Он мрачно смотрел в спину уходящего Тукаева и думал о серьезности положения.

«Надо вызывать в Москву Дарью Витальевну. Только она еще может повлиять на мужа. Мне надо с ней поговорить...»

Всю вторую половину дня Алексей бродил по «БуЗе», как по лабиринту, пытаясь понять ее структуру. Он уже узнал, что спортивный клуб находится в отдельном корпусе, это база для

тренировок. Третий этаж – переговорный. Здесь бьется сердце «БуЗы». А ее мозг, он же дата-центр, находится в подвале. Куда имеют доступ лишь топ-менеджеры. Даже главный бухгалтер не имеет. На первом этаже находятся юридический и экономический департаменты. На втором царство Волкова, где работают программисты. Здесь же бухгалтерия под руководством Суве.

Алексея беспрепятственно пускали везде, куда он хотел пройти. Кроме дата-центра, в который он сам благоразумно решил пока не соваться. Перед тем как уйти домой, Алексей зашел к Белоснежке-секретарше за постоянным пропуском.

– Дмитрий Александрович уже уехал, – предупредила та.

– А я не к нему, а к вам, – Алексей улыбнулся, как ему казалось, чарующе. – Мне разрешено поработать с личными делами членов правления в кабинете президента. Я могу рассчитывать на чашку кофе? – он подмигнул Белоснежке. – Вы варите потрясающий кофе...

– Даша.

– ...?

– Что вы на меня так смотрите?

Он все еще не мог найти нужных слов. Даша! Сажину хочется как можно чаще произносить святое для него имя. Хороший знак. Да, надо звонить Дарье Витальевне. И вызвать ее в Москву. Они давно не виделись. То есть виделись этим летом, точнее сказать, он видел в аэропорту, как Даша прилетела к мужу вместе с маленьким сыном. Но она-то Алексея не видела, и они не разговаривали.

Их последний разговор состоялся года два назад, когда Сажин еще сидел, по странности также, в московском аэропорту. Все они последнее время жили на чемоданах, на перекрестье дорог: сам Алексей, Сажин, Дарья Витальевна...

Они говорили тогда о том, что хорошо было бы Сажину скостить срок, нанять дорогих адвокатов, не тех, прежних, а способных *договориться*. Тогда все они мечтали договориться...

Даша все время отводила глаза. Она чувствовала себя виноватой. И вот Сажин на свободе, но легче никому не стало. Не договорились. У Алексея было чувство, что на горле затягивается петля. А разве у него есть выбор? Разве что поговорить с Дарьей Витальевной.

Глава 3

– Ну и как там? – спросила за завтраком жена.

– Нормально.

Он пил кофе, не чувствуя его вкуса. Во рту была горечь, но то был осадок от нервного вчерашнего дня. Потому что вчера Алексей приехал домой около полуночи, жена вся извелась.

– Я ведь тебя предупреждал, – устало сказал он. Объясняться не хотелось. Да и что тут говорить?

– Но ты не отвечал на мои звонки! – отчаянно сказала Саша.

– И об этом я тебя предупреждал.

– Леша, ты уехал с работы в восемь вечера! Ты мне об этом в WhatsApp написал!

– Мой рабочий день всегда был ненормированным, – сказал он как можно мягче. – И давай не будем больше об этом.

– Что происходит? – в упор спросила Саша.

– Все нормально, – замкнул он этот разговор, потому что не мог сказать больше.

Сегодня тяжелый день. Быть может, один из самых тяжелых в его жизни. Теперь они все будут такие. Скалу не сдвинуть с места, ее можно только взорвать. И то она не сразу упадет. Сажина невозможно отговорить от того, что он задумал. Но и дать ему это сделать нельзя. Нужно выиграть время. Авань Дмитрий Александрович одумается?

...Они встретились в десять утра в президентском кабинете. Алексей уже усвоил: дисциплина в «БуЗе» строгая, опаздывать не рекомендуется даже единственному другу президента.

– Какие впечатления по итогам первого рабочего дня? – спросил Сажин, пожав ему руку.

– Я знаю Тукаева, – вырвалось у него вместо ответа. Интуитивно Алексей угадал, что врать сейчас нельзя.

– Молодец, сам сказал, – усмехнулся Сажин. – Я в курсе, Леша. Мы с Ханом вчера вечером это обсуждали. Он не возражает против твоей работы в «БуЗе».

– А тебе настолько важно его мнение? Кто у кого смотрящий, ты у него или он у тебя?

– Президент – я, – твердо сказал Сажин. – Просто мне без ОПГ не обойтись. Это мина, заложенная под фундамент. Только я могу ее рвануть. Без Хана мне с ОПГ не договориться, но и без меня они с места не стронутся. Побоятся. Интерес взаимный, имей это в виду.

– Тукаев не может быть стукачом. Значит, круг подозреваемых сужается до четырех человек. Гербер, Кочарян, Волков и Немилов. Плюс Суве.

– Вот видишь, как все просто, – Сажин выглядел невыспавшимся и усталым. Похоже, что он вчера вернулся домой и вовсе за полночь.

– Ты слишком торопишься. Организация сырая. Сколько они знают друг друга, твои топ-менеджеры? Будем называть их так. А сколько их знаешь ты?

– Честно скажу: они все пришли в «БуЗу» по рекомендации. Кроме Хана, с которым мы еще на зоне все обговорили, где мы готовились и уже тогда создавали «БуЗу». Вот я и хочу, чтобы ты нашел нестыковки в личных делах членов правления. Проверил бы каждого, используя свои связи. Ведь они у тебя остались.

– Спецслужбы – это закрытая тема, – сердито сказал он. – Я никогда не занимался государственной безопасностью.

– Но проверить на подлинность ключевые факты биографии членов правления ты можешь?

– Могу.

– Вот и сделай это. – Сажин придвинул к нему ноутбук. – Файл с личными делами здесь. Сиди изучай.

– А ты?

– Я весь день на переговорах. Так что этот кабинет в полном твоём распоряжении. Секретарша тоже. Но – не злоупотребляй.

– Когда такое было? – он сделал вид, что обиделся. – Скажи, насколько надёжно твой кабинет защищён от взлома? Я не имею в виду дверной замок.

– Понял, не дурак. Кабинет регулярно проверяют на «жучки» и прочую пакость, хотя я и не веду здесь важных переговоров. Если надо сказать что-то секретное, поднимаюсь наверх.

– Видеокамеры?

– Здесь их нет, – спокойно сказал Сажин. – Я-то вне подозрений. Чужой сюда не войдёт, Леша.

– Телефонные разговоры записываются?

– Мои отсюда?

– Да. Я имею в виду внутренний телефон. Ты ведь вызываешь сюда своих сотрудников? Сам, без посредников?

– Только топ-менеджеров. Об этом знают только они и я. Здесь надёжно, не волнуйся. Работай спокойно.

– Я не опасаясь нападения, – поморщился он. – Только взлома. Я ведь буду здесь работать с секретной информацией.

– Волков – парень надёжный. За информационную безопасность отвечает он. Я ему доверяю, пока ты не доказал обратное.

– Смешно, но я невольно тоскую по тем благословенным временам, когда картотеки были бумажными, а дела лежали в картонных папках, под замком. Обычным, не электронным, без всякого пароля. Но так оно было гораздо надёжнее, чем сейчас.

– Ты просто стареешь, – улыбнулся Сажин.

– Может быть, – Алексей вздохнул. – Ладно, будем считать, что ты меня убедил. Приступай к работе, босс! – он шутливо отдал честь.

– Если что – звони, – сказал Сажин и вышел из кабинета. Хлопнула дверь. Несмотря на усталость, Сажин был по-прежнему стремителен и донельзя уверен в себе.

Оставшись один, Алексей первым делом огляделся. Что ж, Дмитрий Александрович всегда был почти что аскетом, не считая того, что носил белое. Крайне неудачный цвет для мужской одежды, особенно слякотной московской зимой. Но для Сажина белое – вызов. Стремление быть заметным, в любое время дня и года, в любой обстановке. Вот он я – центр Вселенной. Всем смотреть сюда и делать, как я.

«Когда-нибудь он себе шею сломает», – говорили его друзья. Бывшие друзья, Зебриевич и Голицын. Но Сажин упорно лез на рожон, лезет и сейчас. А вот они теперь далеке, эти мнимые друзья, они-то как раз и сломали себе шеи, один в прямом смысле, другой в переносном.

А Сажин все прет.

Зачем ему так надо, чтобы Алексей детально изучил личные дела членов правления? Потому что потом это будет важно. Когда «БуЗа» добьётся цели: на её базе сформируется новая политическая партия, популистская, либеральная, может, и вовсе националистическая. И тогда члены правления поделят министерские портфели. И привлекут внимание СМИ. Поэтому сейчас Дмитрий Александрович должен знать всю подноготную о своих соратниках по борьбе. Чтобы дерьмо, если оно все же есть в их биографиях, не всплыло потом, когда уже будет поздно.

Раздумывая об этом, Алексей встал и прошёлся по сажинскому кабинету. Вот здесь, значится, и вершится история, по мнению Дмитрия Александровича.

Кабинет был просторным, но без излишеств. Такое же огромное окно, как и в зале заседаний, выходило на гигантскую стройку. Жалюзи были подняты: осень наконец одумалась и решила вступить в законные права. Солнце скрылось, налетел пронзительный ветер, нагоняя тучи, и ноябрь стал похож на ноябрь.

Алексей нажал на кнопку вызова секретаря, и в кабинете тут же появилась Белоснежка.

– Чай, кофе? – понимающе спросила она.

– Кофе, и покрепче, никак не проснись, – пожаловался он.

– Сегодня настоящая осень, – сказала девушка с грустинкой и ушла варить кофе.

Он вздохнул, сел за стол и открыл ноутбук. Как и ожидалось, почти все файлы были запаролены. Ломать голову и подбирать ключи к секретам Сажина Алексею было сегодня лень. К главной тайне надо подбираться постепенно.

В открытой для доступа папке было пять личных дел. Словно Сажин заранее знал, что вопрос о Тукаеве будет снят с повестки дня. Да и чего Алексей о Хане не знал? Все бурное тукаевское прошлое в полном объеме имелось в криминальной картотеке, куда Алексей по долгу службы заглядывал каждый божий день, пока не подал в отставку.

А вот остальные...

Гербер, Кочарян, Волков, Немилов, Суве...

Почти неслышно открылась дверь. Алексей почувствовал упоительный аромат арабики и открыл глаза.

– Просыпайтесь, – улыбнулась Белоснежка, поставив перед ним дымящуюся чашку.

Алексей кивнул и с благодарностью глотнул кофе. Секретарша ушла.

«Я не сплю, я думаю», – мысленно улыбнулся он и опять закрыл глаза. Ему предстояло решить очередную головоломку.

Алексей представил себе прозрачный стол в зале заседаний, куда мысленно усадил всех пятерых, даже Суве, которой вчера там не было. Четыре пары мужских ботинок и женские туфли, тоже похожие на ботинки, черные, надежные, со шнуровкой, но без каблука.

Яков Карлович Гербер, Гербарий. Либерал, потому что слетел с важного поста в министерстве. Наверняка пописывал статьи с гневной критикой экономических реформ и размещал их в Инете. Когда чиновник высокого ранга достигает своего потолка, он начинает нервничать и ерзать. Выше можно подняться только на освободившееся по каким-то причинам место друга и соратника. А умирать никто не собирается, современная медицина творит чудеса. Значит, надо сместить. Все эти популистские статьи в Инете имеют одну только цель: личную выгоду. Ты неловок, дай-ка я. Гербер, видать, перестарался.

Он пришел в «БуЗу», чтобы не только вернуть свое, законное, но и подняться как можно выше. Понятно, куда он метит: рулить финансовыми потоками. Иными словами, сесть на нефтяную трубу. Этого все хотят, потому и битва за местечко при трубе самая жаркая.

Могли его завербовать? Легко. Как и всякого госслужащего, занимающего высокую должность. На каждого есть досье, а в нем компромат. И Алексей взял это на заметку.

Кочарян. Вспыльчивый, взрывной характер. Армянин – значит, опирается на многочисленную диаспору. Для Тиграна Давидовича ее интересы всегда будут выше интересов его босса. Потому что историческая родина не предаст, а от олигархов всего можно ждать. У Кочаряна надежный тыл, поэтому он спокойно может рисковать работой. Грамотные юристы всегда в цене, и, коли дело выгорит, Кочаряна ждет блестящая карьера. К Тиграну Давидовичу стоит присмотреться повнимательнее.

Волков. Биткоин. Крутой программист, который работает в «БуЗе» сисадмином. Деньги Паша и в другом месте может заработать, и немалые. Айтишники в наше время гребут эти деньги лопатой, особенно крутые айтишники. Они склонны к одиночеству, к бунтарству, их не устраивает хоть какой-то рабочий график, потому что вдохновение не нормировано. А гениальные программы пишутся только по вдохновению. Либо Биткоин врет, что он такой уж крутой, либо у него есть веская причина работать в «БуЗе» сисадмином.

Сергей Немилов. Вось-Такой. Первый кандидат в стукачи – темная лошадка. Как раз таки из-за очевидного мотива предать «БуЗу»: деньги. Но у Сажина их так много, что Немилову грех желать лучшего. Алексея так и подмывало открыть личное дело Серёги. Там должно быть что-то такое, что все объяснит. Но он опять вернулся мысленно за стол, где сидели пятеро.

Суве... Леня вчера сказал, что в «БуЗе» Ванду Бруновну за глаза зовут Молью. Банальненько. Хотя бухгалтерша действительно похожа своей бледностью и невзрачностью на моль. Алексей попытался угадать, замужем она или нет, не заглядывая в личное дело. Скорее да, чем нет. Дети? Опять-таки скорее да. Возможно, взрослые, потому что, поразмыслив, Алексей дал ей «сорок пять+». Она смотрела на Сажина преданным, но погасшим взглядом, как женщина, для которой все давно решено. Это бывает после долгих лет брака и выросших детей, когда все основные инстинкты уже удовлетворены. Суве интересна лишь ее работа, потому что детям, даже взрослым, надо помогать, а силы уже не те, чтобы искать новую или менять профиль. За работу Моль держится, но ведь большие деньги можно заколотить и в другом месте...

«Вас пятеро, а мне нужен один, – вздохнул Алексей и подвинул к себе ноут. – Ошибиться нельзя. Если я ошибусь, это может стоить мне жизни. А я хочу жить, потому что я люблю Сашу, люблю своих детей и тоже хочу им помогать, несмотря на то, что они уже взрослые. И у меня мало времени, чтобы понять: кто? Кто из этих пятерых мне нужен?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.